This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

А. А. КОРИНФСКІЙ.

Аполлонъ Коринфскій.

ТѢНИ ЖИЗНИ.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1895—1896 Г.Г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1897.

вая скоропечатня „НАДЕЖДА“. Слб., Литейный, № 49.

ТѢНИ ЖИЗНИ.

Посвященіе.

*(Елент ***)*

Не для тебя-ль во дни печали
И пѣсни сердца расцвѣтали?
Не для тебя-ль мои мечты
Цвѣли, какъ вешніе цвѣты?!.

Не для тебя-ль я въ сердцѣ сѣялъ,
Не для тебя-ли я взлелѣялъ
На цвѣтникахъ весеннихъ грезъ
Цвѣты больные черныхъ розъ?!.

Тебѣ—твое! Тебѣ—съ тобою
Мнѣ подаренное судьбою:
И свѣтъ любви, и страсти зной,
И тѣни жизни роковой—
Тебѣ одной...

Въ сумракѣ.

I.

Сумракъ надвинулся, всталъ предо мною;
Сумракъ идетъ отовсюду стѣною;
Сумракъ зловѣщій глядитъ на меня,
Сумракъ — при свѣтѣ весенняго дня...

Лучъ, только лучъ-бы одинъ чуть замѣтный
Мнѣ разглядѣть въ душной мглѣ безпросвѣтной!
Мигъ, только мигъ, — хоть на мигъ-бы опять
Яснаго солнца восходъ увидать!..

Нѣтъ и не видно зари ниоткуда:
Тѣни, что камни, — за грудою груда —
Падаютъ съ неба, встаютъ предо мной;
Сумракъ растетъ, обступаетъ стѣной!..

II.

Молчать и — чувствовать, что словомъ —
Единымъ словомъ могъ-бы ты
Призвать къ желаньямъ жизни новымъ
Свои отжившія мечты...

Молчать и — чуять бури ропотъ
Въ смущенномъ сердцѣ у себя
И — заглушивъ сомнѣній шепотъ,
Всё ненавидѣть, всѣхъ любя...

Молчать и — знать, что съ каждымъ мигомъ
Заря всё дальше отъ очей,
Что самъ куёшь къ былымъ веригамъ
Ярмо грядущее цѣпей...

Молчать, молчать... И въ то-же время
Страдать все глубже отъ того...
О, Боже! Есть-ли въ жизни бремя
Страшнѣй молчанья моего?!.

III.

Нѣтъ, не повѣрю, чтобъ вѣчными были
Сумерки грозныя эти...
Сердце! Съ тобой мы такъ солнце любили...
Сердце, на-зло угнетающей силѣ —
Станемъ мечтать о разсвѣтѣ!

Станемъ желать безразсудно и смѣло...
Тьма, разступись, роковая!
Нѣтъ на землѣ для желаній предѣла...
Сердце! Не все еще въ насъ догорѣло,—
Тлѣетъ мечта огневая.

Воля, зажгись-разгорись свѣтомъ-жаромъ!
Жизнь, догорай, пламенѣя,—
Сумраку смерти отдайся недаромъ:
Страсти послѣдней багрянымъ пожаромъ
Тьму разгоняй, не темнѣя!..

Микула.

Новая пѣсня о старомъ богатырѣ.

Глава первая.

1.

Стародавнія былины,
Пѣсни родины моей!
Породили васъ равнины,
Горы, долы, даль полей.

2.

Ширь, размахъ, захватъ глубокій,—
Все звучитъ въ васъ, все поетъ,
Какъ въ забытый край далекій —
Въ глубь былыхъ вѣковъ зоветъ...

3.

Пѣснотворцевъ древнихъ ладомъ
Убаюкиваетъ слухъ,
Дышитъ зноемъ, вѣетъ хладомъ
Струнъ гусельныхъ русскій духъ.

4.

Вижу я: сѣдое время
Возстаетъ въ лучахъ зари;
Вижу — ѣдутъ, стремя въ стремя,
О-конь-конь, богатыри.

5.

Шишаки, щиты, кольчуги,
Шестоперы, кистени,
Самострѣлы, шеломуги,
Копій лѣсъ... Въ его тѣни —

6.

Волхъ Всеславьевичъ съ Добрыней,
Ставръ, Потокъ, Алеша-младъ,
Старъ-Илья — сѣдой, что иней,
Всѣмъ хоробрымъ — старшій братъ;

7.

А за нимъ—еще, еще тамъ
Богатырь съ богатыремъ;
Всѣ стоятъ стѣной-оплотомъ
Передъ вражьимъ рубежомъ.

8.

Словно сталь—несокрушимый,
Окрыленный духомъ строй...
Кто же въ немъ изъ всѣхъ любимый
Богатырь завѣтный мой?!.

Глава вторая.

1.

Съ непокрытой головою
И съ распахнутой душой —
Онъ встаетъ передо мною
Изъ-за дали вѣковой.

2.

Вотъ онъ — мощный и счастливый
Сынъ деревни и полей!
Вѣтерокъ, летя надъ нивой,
Треплетъ шелкъ его кудрей...

3.

Нѣтъ копья, меча-булата,
Каленыхъ-пернатыхъ стрѣлъ;
И безъ нихъ бы супостата
На-земь грянуть онъ сумѣлъ,—

4.

Да, о томъ не помышляя,
Знай—свершаетъ подвигъ свой,
Самъ-другъ съ лошадью шагая
За кленовою сохой.

5.

Пашетъ онъ, каменья, корни
Выворачивая прочь;
Что ни шагъ — идетъ проворнѣй,
Могутнѣетъ сила-мочь.

6.

Посвистъ пахаря въ далекомъ
Слышенъ во-полѣ кругомъ;
Не окинуть сразу окомъ
Новь, имъ вспаханную днемъ!

7.

А сохи его кленовой
Не взяла и Вольги рать;
Сумки ратая холщевой
Святогоръ не смогъ поднять!

8.

Не живалъ онъ въ нѣгѣ-холѣ
Княженецкаго кремля,—
Нѣтъ, Микулу — въ чистомъ полѣ
Любитъ Мать-Сыра-Земля...

Глава третья.

1.

Мать-Земля Микулу любитъ,
До сихъ поръ Микула живъ;
И ничто его не сгубитъ
Посреди родимыхъ нивъ.

2.

День за днемъ и годъ за годомъ
Онъ крестьянствуетъ вѣка,
Ухмыляется невзгодамъ,
Счастливъ счастьемъ бѣдняка.

3.

И зимой теплы полати,
Коль не пусто въ закромахъ;
Свѣтитъ свѣтъ и въ дымной хатѣ,
Просвѣтъ есть и въ черныхъ дняхъ!

4.

День-красёнъ: пирушки правитъ,
Мужиковъ зоветъ на пиръ;
И „Микулу-свѣта“ славитъ
По Руси крещоный міръ.

5.

Чуть весна на дворъ,— за дѣло:
Селянина пашня ждетъ!
Только поле зачернѣло —
Тамъ Микула... Вотъ онъ, вотъ —

6.

Съ непокрытой головою
И съ распахнутой душой
Держитъ путь свой полосою
За кленовою сохой.

7.

Шелестъ вѣтра, птичій гомонъ
И весенній духъ цвѣтовъ;
Все, съ чѣмъ вёснами знакомъ онъ
Съ незапамятныхъ вѣковъ,—

8.

Все зоветъ его въ одну даль —
Въ даль полей, въ степную ширь;
И, сохъ вѣряя удаль,
Знаетъ пахарь-богатырь,

9.

Что за нимъ-то — вдоль загоновъ
Идутъ родиной своей
Девяносто милліоновъ
Богатырскихъ сыновей!..

С.-Петербургъ,
15 января 1896 г.

Въ безсонную ночь.

Былъ ночи поздній часъ... Но я еще не
спалъ,—
Сонъ не хотѣлъ смыкать очей моихъ дремотой;
Ложился я, вставалъ и снова—за работой
Свою безсонницу больную короталъ...

Портреты близкихъ мнѣ смотрѣли со стѣны
Съ какой-то думою таинственной во взорахъ...
Я былъ одинъ; но вотъ послышался мнѣ шо-
рохъ—
Живой и явственный—изъ мертвой тишины...

И кто-то вдругъ вошелъ и сѣлъ со мною ря-
домъ—
Блѣднѣе мертвеца, прозрачнѣе тѣней,
Рукой холодною коснулся до моей
И сталъ въ мои глаза смотрѣть пытливымъ
взглядомъ.

Невѣдомый мнѣ гость,—сидѣлъ онъ и молчалъ...
Хотя бы съ устъ его одно слетѣло слово!..
Но только въ жизни я ни разу не слыхалъ
Краснорѣчивѣе молчанія такого...

Онъ—молча говорилъ; а я—внималъ душой
Его загадочнымъ, какъ сказка, разговорамъ;
Въ глаза мои смотря, онъ улыбался взоромъ—
Улыбкой кроткою невинности святой...

И взоръ его мерцалъ — какъ небо въ часъ разсвѣта,
Какъ солнца правды лучъ въ туманномъ царствѣ лжи...
«Мой гость, мой добрый гость! О, кто-же ты? Скажи!..»—
Воскликнулъ я и ждалъ безмолвнаго отвѣта.

Но онъ—заговорилъ... И стало жутко мнѣ,
И въ душу тайное закралося сомнѣнье...
Но голосъ прозвучалъ въ смущенной тишинѣ:—
«Я—сынъ Небытія; я—Вѣчное Забвенье!

Микула.

Новая пѣсня о старомъ богатырѣ.

Съ какимъ довѣріемъ, забывъ сомнѣній муку,
Увѣренный, что самъ душою не солгу,
Пожалъ бы я враждой протянутую руку
Прямому, честному врагу!..

Зима развѣсила лебяжьи опахала
По куполамъ деревъ,
Рукою щедрою повсюду разостлала
Парчу своихъ снѣговъ.

Обвѣянная вся мятелями сѣдыми,
Она среди полей—
Владычица единая надъ ними —
Вѣрна судьбѣ своей.

Изъ устъ ея стрѣлой летитъ крылатый шепотъ,—
Безсмѣнныя одни

Слова въ немъ слышатся, какъ дальней бури ропотъ:
«Природа, отдохни!..»

Имъ чутко внемлетъ все въ поляхъ, въ лѣсахъ и селахъ,
Гдѣ только вьюги стонъ,
Когда она идетъ подъ гнетомъ тучъ тяжелыхъ,
Нарушитъ зимній сонъ.

Но въ шумныхъ городахъ, гдѣ заодно съ природой
Шла жизнь въ былые дни,
Горятъ еще свѣтлѣй—довольствомъ предъ невзгодой
Зажженные огни...

Подъ лучами мѣсяца.

(Изъ „Зимнихъ импровизацій".)

1.

Глубоко, глубоко—
Въ лазурной дали серебристой
Сіяетъ безстрастный,
Надъ страстно горящими звѣздами властный,
Царь-Мѣсяцъ въ коронѣ лучистой,—
Такъ близко отъ темной земли, такъ далёко.

2.

Надъ бездною мглистой
Идетъ онъ дорогою ясной
По свѣтлой отчизнѣ—
Безсмертный, но чуждый мятущейся жизни,—
Снѣга озаряя прекрасной
Улыбкой предвѣчной, улыбкой божественно-чистой.

3.

Вотъ—дымкой неясной
Царя дальнозоркое око
Затмилось... Мгновенно
Растаяла тучка; и снова—улыбкой блаженной,
Улыбкой боговъ, улыбнулся высоко
Царь-Мѣсяцъ, сынъ Свѣта, титанъ полновластный.

4.

Сынъ тьмы и порока—
Я—пасть предъ тобою, Лучистый,
Какъ предокъ мой ранній,
Готовъ и—принесть тебѣ въ жертву всѣ перлы желаній...
Готовъ, какъ язычникъ, тебѣ поклониться, о Чистый,—
Лишь быть-бы отъ сумрака жизни далёко, далёко!..

Ты правъ, мой другъ: мы всѣ — чудесъ
ждемъ въ эти дни
На сумрачной землѣ, забытой небесами;
Но мы не вѣримъ въ нихъ, тамъ — гдѣ и есть
они —
Во имя Знанія ихъ разрушая сами.

Непостижимаго чарующій туманъ
Отъ жизни отогнавъ, постигнувъ смыслъ
загадокъ,
Мы поздно поняли, какъ нуженъ намъ „обманъ,
Насъ возвышающій“, какъ онъ безмѣрно сла-
докъ!

Томясь безвѣріемъ подъ кровомъ душной
тьмы,
Ни проблеска зари не видя ниоткуда,
Мы ждемъ такъ искренно, такъ страстно жаж-
демъ мы
Какого ни на есть, но только чуда, чуда...

Такъ — въ дни бездождія ждетъ вечера
земля,
Чтобъ хоть роса ее собою освѣжила;
Зимой безснѣжною такъ вьюги ждутъ поля,
Чтобъ снѣгомъ ихъ она отъ холода при-
крыла!..

Весеннее.

I.

Воскресла жизнь!
Она идетъ
Навстрѣчу мнѣ изъ чащи бѣлой —
Давно, казалось, омертвѣлой
Подъ волхвованьемъ непогодъ...

Воскресла жизнь!
Она глядитъ
Съ небесъ, не гаснущихъ ночами,
Желанья полными очами
На разстилающійся видъ...

Воскресла жизнь!
Поетъ она
Ручья подснѣжнаго журчаньемъ,
Пролетной пташки щебетаньемъ...
Идетъ, глядитъ, поетъ весна!..

II.

Ярче солнце и ярче лазурь...
Небеса — такъ прозрачны и сини,
Словно больше подъ ними не будетъ отнынѣ
Ни грозы, ни ненастья, ни бурь.

Зацвѣла подъ окошкомъ сирень,
И на клумбахъ — на солнечномъ зноѣ —
Раскрываютъ, раскрыли бутоны левкои...
День расцвѣта — ликующій день!

А съ вечерней зарей — соловьи
Заведутъ переклички былыя:
Имъ сегодня весна разсказала впервые
Всѣ завѣтныя тайны свои...

III.

Весенній блескъ, весенній ароматъ...
И вновь мечты весенней жаждой полны,
И вновь кипятъ въ груди желаній волны,
И въ сердцѣ бьетъ живыхъ надеждъ каскадъ.

Опять луга пестрѣются цвѣтами;
Шумятъ-шумятъ зеленые лѣса;
И все звончѣй, все слаще голоса
Лѣсныхъ пѣвцовъ весенними ночами.

И съ каждымъ днемъ пышнѣй весны нарядъ.
И что ни день — вѣнки ея душистѣй,
И что ни ночь — сіянье зорь лучистѣй;
И что ни мигъ — мечты мои цвѣтистѣй...
О, что за блескъ! О, что за ароматъ!..

Лѣсной, 20 мая 1896 г.

На пчельникѣ.

Воспѣтый въ пѣснѣ соловьиной,
Отъ любопытныхъ глазъ укрытъ—
Съ утра весь день шумитъ-гудитъ
Рядъ ульевъ—городокъ пчелиный.

Онъ весь какъ-будто затонулъ
Въ своей прохладѣ благовонной;
Съ зари до зорьки смутный гулъ
Не молкнетъ въ зарослi зеленой.

На радость пчелъ, лаская взоръ,
Гречиха—вплоть за городьбою
Свой бѣлорозовый коверъ
Каймитъ желтѣющей межою.

Отъ ульевъ къ ней—рукой подать;
И трудъ кипитъ: не дремлютъ пчелы,
И, славя Божью благодать,
Поетъ, трудясь, ихъ рой веселый.

Крылами звонкими жужжа,
Онѣ летятъ къ знакомой грани,
За смѣной смѣна—до дождя
Спѣша собрать съ полей всѣ дани...

Кусты малины разрослись,
Кой-гдѣ алѣя кровью ягодъ;
Надъ ними вѣтлы тянутъ въ высь,
Все гуще сѣнь ихъ съ году на-годъ...

Внизу—сочится ручеекъ,
За струйкой струйка роетъ глину;
Плетень-старикъ вздремнуть прилегъ
На заливную луговину...

Всегда здѣсь—тѣнь и тишь царятъ:
И въ полдень, скованный истомой,
Дружины пчелъ къ ручью летятъ,
Не знаясь съ усталью и дрёмой...

Сюда—имъ путь на водопой,
Отсюда—снова за «походомъ»,
Въ поля, откуда вѣетъ зной
Благоуханіемъ и медомъ ..

Неизмѣнное.

Надъ темной землею, гдѣ всѣ измѣняютъ,
Одни—неизмѣнно и вѣчно сіяютъ
Свѣтила далекихъ небесъ.

Днемъ солнышко красное свѣтитъ надъ нами;
А ночью—и звѣзды трепещутъ огнями,
И мѣсяцъ съ лазури небесъ.

Свѣтъ солнца лучами горячими смѣло
Лобзаетъ земли бездыханное тѣло,
И—вздохи летятъ до небесъ.

Свѣтъ звѣздъ, то—мечты, то—надежды, мерцанье,
То—дума природы, то—трепетъ желанья,
Желанья могучихъ небесъ.

Свѣтъ мѣсяца—факелъ безмолвной печали
За тѣхъ, кто страдаетъ и кто отстрадали
Безъ крова подъ кровомъ небесъ.

Надъ міромъ, гдѣ всё и гдѣ всѣ измѣняютъ,
Одни и одни неизмѣнно сіяютъ
Предвѣчныя очи небесъ.

С.-Петербургъ, 1896 г.

Нѣтъ смерти!

Хотѣлъ найти я смерть подъ обликомъ
зимы,
Царицы сѣвера властительно-суровой;
Но въ тотъ-же самый мигъ въ окно моей
тюрьмы
Ударилъ солнца лучъ — предвѣстникъ жизни
новой.

Ее подъ кровомъ тьмы напрасно я искалъ,—
Мерцали трепетно небесныя свѣтила,
И вѣтеръ влагою въ лицо мое дышалъ,
И ночь неспящая о жизни говорила...

Искалъ на кладбищѣ, подъ сѣнію крестовъ,
Но не нашелъ и тамъ... Въ печальномъ цар-
ствѣ тлѣнья
Я встрѣченъ былъ толпой забытыхъ міромъ
сновъ,
А спящіе въ гробахъ — всѣ ждали пробу-
жденья...

„Нѣтъ смерти!“— я сказалъ. Но въ этотъ смутный мигъ
Мнѣ голосъ прозвучалъ замедленный и странный: —
„Счастливецъ, что ея нигдѣ ты не настигъ!
Она была съ тобой — въ твоей тоскѣ нежданной!..“

Безымень.

„Ты, невѣдомое, незнамое,
Безъ виду, безъ образа,
Безъ имени-прозвища“...
А. К. Толстой.

1.

Какой-то духъ, другимъ незримый,
Повсюду слѣдуетъ за мной —
Какъ тѣнь, какъ спутникъ роковой,
Какъ я — скиталецъ нелюдимый,
Какъ я — сомнѣньями больной...

О, если то — мой добрый геній,
О, если онъ не созданъ Зломъ, —
Пусть осѣнитъ меня крыломъ,
И въ рай небесныхъ вдохновеній
Съ земли умчимся мы вдвоемъ!..

2.

Но, если это — мрачный демонъ,
Но, если въ немъ себя явилъ
Гонимый сынъ подземныхъ силъ
И здѣсь не понятъ былъ никѣмъ онъ,—
Хотя, страдая, всѣхъ любилъ,—

Тогда... О, пусть тогда со мною
Никто не встрѣтится въ раю!
Пусть руку дастъ онъ мнѣ свою
И — въ царство мрака мы четою
Пойдемъ, влекомые мечтою
От бытія къ Небытію!..

Глубокое небо мерцало звѣздами;
И мѣсяцъ, какъ призракъ, всходилъ надъ снѣгами;
И воздухъ морозный захватывалъ духъ,
И къ звукамъ таинственнымъ чутокъ былъ слухъ —
Мой слухъ, окрыленный мечтами моими,
Мечтами — какъ юное счастье, живыми.
И пѣли тѣ звуки въ ночной тишинѣ
О лѣтѣ, идущемъ на смѣну веснѣ...

Мнѣ грезилось лѣто, цвѣтущее лѣто,
Какое когда-то я пѣрежилъ гдѣ-то.
Мнѣ грезилось: шелъ не одинъ я, а съ тоій,
Кто въ жизни была недоступной мечтой.
И мнилося: садомъ развѣсистымъ шли мы —
Полдневнаго солнца лучами палимы.

Не зналъ я, откуда, куда мы съ ней шли,
Но зналъ — что два полныя сердца несли:
Два сердца, любовью и радостью полныхъ,
Два сердца — къ призыву сомнѣнья безмолвных...
И каждый изъ насъ въ тѣ мгновенья постигъ
Молчанья блаженнаго сладостный мигъ...

А солнца лучи заливали надъ нами
Аллею акацій, гудѣвшихъ пчелами...

Изъ
„Пѣсенъ о счастьѣ“.

I.

О, если-бъ мечты мнѣ всю правду сказали,—
Тогда-бы и въ сумракѣ жизни холодной
Мнѣ видѣнъ былъ образъ, изъ мертвенной дали
Сіяющій свѣтомъ звѣзды путеводной!

О, если-бъ мгновенье,—о только мгновенье,—
Я чувствовалъ полное жизни блаженство,—
Тогда-бы забыло дорогу сомнѣнье
Къ познавшему счастья любви совершенство!

О, если-бы призракъ грядущаго горя
Исчезъ въ необъятныхъ пучинахъ страданья,—
Тогда-бы воскресли, съ забвеніемъ споря,
Завѣтныя грезы, святыя желанья!..

II.

Есть въ жизни счастье, есть,—не всё одни
страданья,
Не все одна печаль гнетущая кругомъ;
Но только—мы ему не сможемъ дать названья,
Но только—мы его порою не поймемъ!

Есть въ жизни счастье, есть,—оно, какъ свѣтъ
въ природѣ,
Какъ воздуха струи, повсюду разлито̀;
Недаромъ и молва издревле шла въ народѣ,
Что не рождается несчастнымъ въ міръ никто!

Есть въ жизни счастье, есть, — но только
уловимо
Оно для тѣхъ, кто имъ не хочетъ дорожить,
Кто рветъ его шутя—какъ спутанную нить,
Кто часто, какъ слѣпецъ, его обходитъ
мимо!..

Неувядаемо оно межъ насъ цвѣтетъ,
И вѣчно плющъ его вкругъ жизни зеленѣетъ;
Но счастливъ имъ не тотъ, кто близко по-
дойдетъ,
А тотъ—кто взять его безтрепетно сумѣетъ!..

III.

Какъ съ двухъ далекихъ горъ два быстрые ручья
Рѣкой, одной рѣкой, вливаются въ ущелье,—
Такъ ты, безвѣстная, такъ — чуждый странникъ — я,
Нежданно встрѣтившись въ тѣснинѣ бытія,
Вдвоемъ пошли дѣлить и скуку, и веселье...

Не двое, а вдвоемъ!.. О, въ мірѣ слухъ ничей
Вовѣки не внималъ такимъ словамъ признанья:
Я мысль твою зажегъ; ты — молніей очей,
Подъ темнымъ пологомъ мистическихъ ночей,
Въ меня перенесла своей души страданья...

Есть много страннаго въ обоихъ насъ съ тобой,
Есть что-то дивное, загадочное людямъ,—
Какъ-будто съ нашею таинственной судьбой
Безумье связано незримою струной...
О, если такъ, — пускай мы ввѣкъ безумны будемъ!..

Такимъ безумiемъ мы счастливы, мой другъ;
А счастiемъ своимъ мы завладѣли сами.
Родникъ живой воды въ пустынѣ — нашъ недугъ!
О, только шла бы жизнь рѣкой, на вольный лугъ
Не разбѣгаяся бурливыми ручьями!..

28 ноября 1895 г.
С.-Петербургъ.

IV.

Голубкой бѣлою, летящей въ стаѣ галокъ,
Казалась мнѣ она въ тотъ миновавшій часъ,
Когда была со мной въ послѣдній самый разъ
Среди моихъ друзей и ихъ подругъ-весталокъ.

Ославленная въ ихъ излюбленномъ кружкѣ
Вдаль убѣгающей худой молвою-славой—
Она была для нихъ пикантною приправой
Къ ихъ скукѣ мертвенной, къ ихъ чопорной тоскѣ.

Усталъ я наблюдать картину за картиной
На этомъ „раутѣ безгрѣшныхъ мудрецовъ“...
Подъ кисть художника просилася безъ словъ
Хозяйка, ставшая одной „любезной миной“...

Какъ изъ фонографа — текли изъ устъ слова,
Имъ гости съ гостьями поддакивали хоромъ;
Отъ лжи завѣдомой, сплетенной свѣтскимъ вздоромъ,
Отъ фразъ истасканныхъ болѣла голова...

Но тутъ была одна — душѣ моей родная,
Та — на кого здѣсь всѣ глядѣли свысока:
Она была отъ нихъ, отъ всѣхъ нихъ далека —
Какъ геній отъ глупцовъ, какъ отъ блудницъ
святая...

V.

Ихъ торжествующій синклитъ
Насъ не поймётъ... Намъ не проститъ
Онъ счастья нашего съ тобою!
Въ союзѣ противъ насъ съ судьбою —
Своимъ молчаніемъ язвитъ
Ихъ торжествующій синклитъ...

Злословье, ложь и клевета, —
Всё, что скрываютъ ихъ уста,
Все ими спущено со своры —
Какъ стая гончихъ... Прочь затворы!
Все ближе къ намъ, моя мечта,
Злословье, ложь и клевета...

Добро-пожаловать, друзья!
Ко мнѣ!.. Открыта дверь моя
Давно для васъ... Но чуръ — ни слова
О той — кто жизнь дала мнѣ снова,
О той — чьимъ счастьемъ счастливъ я!
Добро-пожаловать, друзья!..

VI.

Ни слова!..
О, больше — ни слова!..
Не надо признаній другихъ...
Вѣдь счастье, воскресшее снова,
Понятно тебѣ и безъ нихъ!..

Зачѣмъ намъ размѣнивать страсти
На жемчугъ красивыхъ рѣчей?
Когда мы — въ ихъ пламенной власти,
Весь міръ—нашъ и больше ничей!..

Когда-жъ и любовь вмѣстѣ съ нами
Идетъ — окруженная зломъ,—
Грядущее яркими снами
Мерцаетъ во мракѣ быломъ!..

Что думать о мракѣ былого!
Былое — лишь мигъ, только мигъ...
Кто любитъ — тотъ вѣчность постигъ!..
Люблю я... О, больше ни слова!...

15 января 1896 г.

Пѣсня русалокъ.

1.

Только западъ заря зарумянитъ,
И поднимется паръ изъ болотъ,
Только мѣсяцъ, блѣднѣя, проглянетъ
Въ глубинѣ темносинихъ высотъ,—

Мы, русалки, выходимъ изъ водъ:
До полуночи — играмъ конца нѣтъ!

2.

Перевивъ косы-кудри вѣнками
Изъ купавицъ — красавицъ рѣчныхъ,
Мы толпою идемъ берегами,
Топчемъ зелень ковровъ луговыхъ.

Смотрятъ звѣзды на насъ, мы — на нихъ;
Звѣзды въ руки намъ сыплются сами.

3.

Столько пѣсенъ мы знаемъ чудесныхъ —
Сколько листьевъ у насъ въ лозникѣ,
Сколько звѣздъ лучезарныхъ небесныхъ,
Сколько волнъ пробѣгаетъ въ рѣкѣ;

Въ нашихъ пѣсняхъ—нѣтъ мѣры тоскѣ;
Бездна грезъ въ нихъ, землѣ неизвѣстныхъ.

4.

Въ нихъ сливаются съ волнами смѣха
Волны стона; имъ вторитъ всегда
Чуткихъ горъ перекатное эхо;
Въ ладъ имъ плещетъ-струится вода...

Прозѣваетъ рыбакъ невода:
Рыбье счастье — русалья потѣха!

5.

Берегися, рыбакъ, если молодъ,—
Не плыви къ намъ на пѣсни, глупецъ:
Зазнобитъ сердце на-смерть ихъ холодъ,
Въ немъ — отрава для пылкихъ сердецъ...

Не погибнешь въ волнахъ, удалецъ,
Такъ уйдешь — весь тоскою исколотъ!

6.

Къ намъ плыветъ... Мы всю заводь взволнуемъ,
Мы заманимъ его въ камыши;
Мы заманимъ его — зачаруемъ,
Выпьемъ зной молодецкой души;

Смѣльчака мы утопимъ въ глуши,
Напоивъ до-пьяна поцѣлуемъ.

7.

А потомъ вмѣстѣ съ полночью — въ воду...
Станемъ жемчугъ по дну собирать,
Водяного ласкать воеводу,
Цѣловать старика, миловать,—

Скатный жемчугъ на нитки низать
Водяной воеводшѣ въ угоду.

8.

Будемъ ждать мы: вотъ утро заглянетъ
Въ лоно темное сумрачныхъ водъ;
День придетъ, день томиться устанетъ,
День на отдыхъ пойдетъ отъ заботъ...

Будетъ ждать-поджидать хороводъ:
Скоро-ль западъ заря зарумянитъ!...

По первоснѣжью.

Такъ холодна и такъ сурова,
Но улыбается порой
Изъ-подъ туманнаго покрова
Улыбкой солнца молодой.

Въ расшитомъ на-диво шугаѣ
Изъ среброкованной парчи
Она проходитъ, разсыпая
Алмазы, искры и лучи.

Спѣшитъ за нею, бокъ съ ней о-бокъ,
Для всѣхъ на ласки тороватъ,
Грозёнъ лишь тѣмъ, кто нравомъ робокъ —
Морозъ, любовью къ ней богатъ.

Старикъ онъ... Все-жъ сѣдому любы
И трепетъ въ сердцѣ молодомъ,
И розы щекъ, и жемчугъ-зубы,
Грудь-лебедь, голосъ — соловьемъ...

Свою горлатную соболью
Надвинувъ шапку на-бекрень,
Красы живому своеволью
Онъ отдаетъ себя, какъ тѣнь...

«Хоть взглянь разокъ, обмолвись словомъ,
«Порадуй стараго сама!..»
Идетъ въ величіи суровомъ
И—улыбается Зима...

16 ноября 1895 г.
С.-Петербургъ.

Румянецъ стыда.

Сегодня такъ ярко вечерняя рдѣла заря,
Багрянымъ румянцемъ надъ бѣлою далью
алѣя.
Казалася залитой кровью одѣтая снѣгомъ
аллея;
Казалось — и снѣгъ занялся весь пожаромъ,
горя...

Румянецъ стыда такъ порою зардѣется жарко
На кипени снѣжной не знавшихъ лобзанья
ланитъ,
Когда ихъ нежданно впервые собой осѣнитъ
Нескромная мысль, по лазури мечтаній сверк-
нувшая ярко...

Румянецъ стыда, но румянецъ не этотъ, —
другой
Увидѣлъ я въ полымѣ дня, отходящаго къ
ночи, —
Когда зажигались въ безбрежныхъ высотахъ
глубокія очи,
Встрѣчаяся взглядами съ поздней вечерней
зарей...

Къ небесному тихо земля приклонилась подножью,
И небо свой слухъ преклонило къ усталой землѣ;
Но вспыхнула знойная краска стыда на высокомъ челѣ,—
Вдругъ поняло небо, что мигъ тотъ отравленъ былъ ложью!

И стало мгновенно такъ стыдно, такъ стыдно ему
За все, совершонное въ день, озаренный его-же сіяньемъ,
За всѣхъ, кто скрывалъ подъ мишурнымъ своимъ одѣяньемъ
Позорныя язвы порока, души непроглядную тьму.

10 декабря 1895 г.

Карнавалъ.

(Южныя картинки.)

1.

Огни, цвѣты и маски;
Пьеретты и Пьеро...
Алмазы, а не глазки;
Не смѣхъ, а серебро!

Лукавый Мефистофель
Къ наивности самой
Склоняетъ рѣзкій профиль,
Обвивъ ей станъ рукой.

Глядятъ полишинели
На нихъ со всѣхъ сторонъ—
Подъ вздохъ віолончели,
Подъ скрипокъ томный стонъ...

Мандола, мандолина
И флейты, и фаготъ;
И ширится картина,
И вихорь-вальсъ растетъ...

Не слушая оркестра,
Несется пестрый балъ;
И правитъ имъ маэстро—
Веселый карнавалъ...

2.

То площадь, или море?
И смѣхъ, и крикъ, и гулъ;
И пламя въ каждомъ взорѣ,
И на-сердцѣ разгулъ.

Плащи, мантильи, маски;
Пьеретты и Пьеро,—
Смѣшалось въ буйной пляскѣ
Все шумно и пестро.

Блестятъ съ балконовъ взоры;
Цвѣтовъ и фруктовъ градъ
Посыпали синьоры
Въ летучій маскарадъ.

За ними—и «confetti»
Ударила картечь...
Монтекки съ Капулетти
То не ведутъ-ли рѣчь?!.

О, нѣтъ! Борясь съ истомой,
На свой турниръ созвалъ—
Съ враждою незнакомый—
Весь городъ карнавалъ...

Стансы.

Когда, подъ гнётомъ униженья —
Твоя душа возмущена, —
Она не вѣдаетъ прощенья
И не поймётъ другихъ она.

Но сердце... Сердце выдастъ тайны
Тебя унизившихъ людей.
Оно покажетъ, какъ случайны
Дѣла враговъ, слова друзей!

1895 г.

Ключъ путей.

Есть путь — одинъ для всѣхъ людей,
Гдѣ люди есть, а нѣтъ народа, —
Гдѣ варваръ, эллинъ, іудей —
Всѣ предъ тобою, мать-Свобода,
Всѣ рàвны равенствомъ дѣтей...
О, этотъ путь — ключъ всѣхъ путей!

Тамъ зорька сходится съ зарей;
Тамъ даль свѣтлѣе, солнце — жарче;
Тамъ день не меркнетъ надъ землей;
Тамъ умъ живѣе, мысли — ярче...
Тотъ путь — наука, міръ идей...
О, этотъ путь — ключъ всѣхъ путей!

Наукѣ — рознь племенъ чужда, —
Въ ней каждый съ каждымъ равноправенъ;
Въ ней — только ты великъ и славенъ,
Талантъ — любимый другъ труда...
Впередъ! На славный путь смѣлѣй!
О, этотъ путь — ключъ всѣхъ путей!..

Полонскій.

(Въ семьдесятъ-пятую годовщину.)

„Пришли и стали тьми ночи...“

Я. П. Полонскій.

1.

Одинъ изъ тѣхъ, чья мысль жаръ-цвѣтомъ
Неувядаемо цвѣтетъ,
Кто—вѣрный дней былыхъ завѣтамъ—
Зоветъ другихъ идти впередъ.

2.

Одинъ изъ тѣхъ, чьи видятъ очи
Толпѣ незримые міры,
Кому несутъ и дни, и ночи
Родной поэзіи дары.

3.

Одинъ изъ тѣхъ, кого такъ рано
Жрецы небесъ въ свой храмъ ввели,
Чьихъ вѣщихъ словъ спадаетъ манна
На лоно страждущей земли.

4.

Одинъ изъ тѣхъ, чьи волхвованья
Заворожить способны слухъ,
Кто мыслью—властный царь желанья,
Кто сердцемъ—чистъ, какъ свѣтлый духъ.

5.

Пусть вновь онъ юныхъ дней не встрѣтитъ,
Пусть манитъ старость въ свой шатеръ,—
Въ туманѣ жизни ярко свѣтитъ
Мнѣ поэзіи костёръ!

6.

Горитъ костёръ, собою грѣя
И грусть, и сладкую мечту;
Но искры-мысли чародѣя
Не угасаютъ на-лету!

7.

Въ шатрѣ пѣвца, не замолкая,
Рокочетъ строй гусельныхъ струнъ;
И внемлетъ молодость живая
Тому—кто духомъ вѣчно юнъ.

8.

Зимою, въ тѣмень ночи вьюжной,
Бросаетъ искры чародѣй
Бурмитской розсыпью жемчужной
Въ сердца открытыя людей.

9.

Орлинымъ взглядомъ смотрятъ очи
На сонъ другихъ, на смутный сонъ.
«Пришли и стали тѣни ночи»,—
Но сна себѣ не знаетъ онъ!..

10.

Одинъ изъ тѣхъ, кого вѣнчали
Въ родномъ святилищѣ пѣвцовъ...
Полонскій—кроткій другъ печали,
Полонскій—вольный братъ рабовъ!

6 декабря 1895 г.
С.-Петербургъ.

Изъ „Волжскаго альбома“.

I.

Солнце взоры слѣпитъ,
Солнце сыплетъ лучи;
Вѣсть о вѣтрѣ несутъ
Вѣтерки-бирючи.

Отливаетъ цвѣтной
Бирюзою вода;
Впереди, позади—
Рѣжутъ Волгу суда.

Чайки вьются-кружатъ
Надъ добычей своей.
Чу, звенятъ возлѣ нихъ
Крылья смѣлыхъ стрижей.

По холмамъ береговъ
Зеленѣютъ лѣса;
Надъ лѣсною стѣной—
Небеса, небеса...

А волна за кормой,
Не смолкая, шумитъ.
Солнце сыплетъ лучи,
Солнце взоры слѣпитъ...

II.

Вотъ и Керженецъ струится
Посреди глухихъ лѣсовъ...
Край—«труда спасенья ради»,
Край молелень и скитовъ.

Тамъ, за этими лѣсами,
Можетъ быть, и въ наши дни
Въ жаждѣ подвига за вѣру
Истязаютъ плоть одни,—

Гдѣ, подъ сѣнью вѣковою
Зеленѣющихъ дубравъ,
Въ мірѣ миръ нашли другіе,
Путь смиренія избравъ...

Пусть моя дорога—мимо,
Всторонѣ отъ этихъ мѣстъ,
Вдаль, гдѣ мы у «центровъ свѣта»,
Какъ слѣпцы, несемъ свой крестъ,—

Все равно—въ полётѣ вольномъ,
Покидая водъ просторъ,
Рвется мысль туда—за Волгу,
Черезъ кручи ближнихъ горъ,—

Гдѣ духовными очами,
Въ темнотѣ своей святой,
Градъ блаженныхъ—свѣтлый Китежъ
Видятъ люди подъ водой..

III.

На горахъ — какъ-будто горы снова...
Или это башни-исполины
Поднялись изъ праха вѣкового,
Поднялись и смотрятъ на долины...

Старины величьемъ очарованъ —
Я плыву, былое воскрешая,—
Словно съ нимъ я крѣпкой цѣпью скованъ,
Самъ того не вѣдая — не зная.

Высылаетъ Волга мнѣ навстрѣчу
Всей своей бывалой славы тѣни;
Волга ждетъ, что пѣсней я отвѣчу
Пѣснямъ волнъ, рожденнымъ въ бурной пѣнѣ.

Не поется! Думы-исполины
Вкругъ меня тѣснятся, словно горы;
И скользятъ задумчивые взоры
По волнамъ бѣгущей вдаль равнины...

IV.

Увалами берегъ пошелъ — перевалами...
А лѣсу на немъ и конца не видать.
Раздвинется поле полоской межъ скалами;
За нимъ, впереди — лѣсъ опять.

День клонится къ вечеру. Солнце жаръ-
птицею
Трепещетъ еще надъ вѣнцами холмовъ;
А лѣсъ — ужъ съ вечерней зарей-зоряницею
Обняться вѣтвями готовъ.

Стоитъ онъ, какъ царь, надъ поволжскими
склонами;
Стоитъ онъ — любуется въ водахъ собой;
Своей буйной мощью, кудрями зелеными,
Своей неоглядной красой.

Вотъ пламя заката горитъ надъ увалами;
Мгновенье, еще и еще; и — заря
Идетъ по волнамъ, подъ покровами алыми,
Въ объятія лѣса-царя.

V.

Нагорный едва проступаетъ,
Съ волнами слился — луговой.
А Волга — вся Волга сверкаетъ
Безбрежной своей синевой...

Вотъ парусъ мелькнулъ на мгновенье,
На солнцѣ блестнулъ серебромъ,—
Мелькнулъ и пропалъ въ отдаленьи.
Вода лишь, да небо кругомъ...

А рядомъ—кружокъ незнакомыхъ,
Плывущихъ съ тобою людей,
Куда-то, за чѣмъ-то влекомыхъ
Случайностью жизни своей.

Подъ звуки чужихъ разговоровъ
Сидишь и, не слушая ихъ, —
Не въ силахъ тоскующихъ взоровъ
Отвесть отъ валовъ волновыхъ.

Глядишь, и—вопросъ за вопросомъ
Въ пытливое сердце стучитъ:
Что̀ это за дымка надъ плёсомъ?
О чемъ это чайка кричитъ?

Зачѣмъ это пѣнятся волны,
Взлетая одна надъ другой—
То тихою ласкою полны,
То бурной, стихійной враждой?!..

VI.

. . . „Жегули, Жегули!...“
И — опять предо мной
Къ облакамъ вознесли
Горы лѣсъ вѣковой.

Взоры вѣрхомъ скользятъ —
Отъ скалы до скалы,
Гдѣ лишь тучки парятъ,
Да ширяютъ орлы.

Любъ имъ Волги просторъ —
Бѣлопѣнная гладь,
Зеленѣющихъ горъ
Красота - благодать.

Здѣсь предъ ними встаетъ
За курганомъ курганъ,
Гдѣ (гутóритъ народъ)
„Думу думалъ Степанъ“,—

Гдѣ безсуднымъ судьей
Разинъ правилъ свой судъ,
Гдѣ о волѣ родной
Бури пѣсни поютъ...

VII

Рубятъ лѣсъ, корчуютъ пни;
Роютъ известь, ломятъ камень...
Грабитъ хищникъ-человѣкъ
Жегулей могучихъ рамень.

Это—мститъ горамъ купецъ,
Мститъ за то, что хоронили
Удаль волжскую въ себѣ,
Что грозой богатству были.

Мститъ купецъ за то, что здѣсь
Прежде не было проходу
Караванамъ и судамъ
Отъ разбойнаго народу...

Но и горы смотрятъ внизъ
Съ нескрываемой враждою—
Пробужденныя отъ сна
Злой невзгодою-бѣдою.

Горы высятся стѣной,
Упираясь въ небо гребнемъ,
Горы хищниковъ грозятъ
Раздавить, засыпать щебнемъ.

Ужъ мѣстами кое-гдѣ
Къ лѣсопильнямъ и заводамъ
Сверху ѳ̀ползни ползутъ...
Ближе, ближе—съ каждымъ годомъ...

VIII.

Обожженные солнцемъ холмы,
За холмами—равнины.
Вотъ послѣдній бугоръ изъ-подъ тёмнозеленой чалмы
Досказалъ Жегулей мнѣ былины.

Бальзамическій воздухъ степной
Вѣетъ тихою далью
Надъ моей непокорной, тяжелою думой больной,
Надъ моею угрюмой печалью.

Здравствуй, степь! Здравствуй, ширь безъ границъ!
Здравствуй—съ Волгой-рѣкою,
Со стадами кочевьевъ своихъ, да съ ватагами птицъ,
Съ ковылёмъ — бѣлорунной травою!..

Разступись-раскачайся, ковыль,—
Разбушуйся, какъ море!
Разскажи мнѣ степной цѣлины вѣковѣчную быль
На широкомъ привольѣ-просторѣ!..

Волга (Нижній—Самара).
Іюнь 1896 г.

Отвѣтъ.

1.

Молчанье, молчанье...
Другого не будетъ
Отвѣта!
А кто-то такъ жаждетъ привѣта...
Нѣтъ, въ сердцѣ его не пробудитъ
Признанье...

2.

Въ холодной могилѣ —
Всѣ чувства, всѣ страсти
Былого!
И къ жизни не вызвать ихъ снова
Ничьей очарованной власти
И силѣ...

3.

О, если-бъ желанье...
Но нѣтъ, не пробудитъ
Желаній
Поэзія позднихъ признаній!
Отвѣтомъ однимъ только будетъ
Молчанье...

На мотивы
Юлія Словацкаго.

(Отрывки изъ поэмы „Въ Швейцаріи“.)

I.

Расцвѣтъ сердца.

Стала глубже лазурь лучезарныхъ очей,
Стала буря въ груди подниматься у ней;
Сталъ румянецъ пылать отъ щеки до щеки,
Стали вянуть отъ думъ огневыхъ васильки—
На кудряхъ, на ея шелковистыхъ кудряхъ,
Въ ароматныхъ вѣнкахъ...

Но никто не узналъ этихъ думъ молодыхъ:
Только звѣзды лучистыя поняли ихъ,
Только мѣсяцъ съ небесъ—на отходѣ ко сну—
Предъ разсвѣтомъ изъ нихъ и подслушалъ одну;
Только вѣтеръ весенній, летя по кустамъ,
Выдалъ тайну цвѣтамъ...

II.

Мгновенья.

1.

Есть мгновенья, когда фея ночи—луна
Въ синемъ морѣ небесъ показаться должна,
Замолкаютъ когда по кустамъ соловьи,
Прерываетъ листва разговоры свои,
Замираютъ когда и ключи въ муравѣ,
Не дрожитъ жемчугами роса на травѣ...

•

Словно ждетъ вся природа, что фея-луна
Тайны звѣздъ золотыхъ разсказать ей должна,
Пѣсню-рѣчь завести съ пѣвуномъ-соловьемъ,
Перекинуться взглядами съ каждымъ листкомъ.
Словно ждутъ передать ей всѣ грезы-мечты
Ароматами трепетныхъ вздоховъ цвѣты...

2.

Но—лишь взоръ чаровницы во мракѣ блестнетъ
Надъ затихшей землею съ безмолвныхъ высотъ,—
Въ тотъ-же мигъ зарыдаютъ въ кустахъ соловьи,
Вся листва заведетъ разговоры свои,
Всѣ ключи разольютъ звонъ серебряный свой,
Вздохъ цвѣтовъ пролетитъ надъ травой-муравой.

Въ тѣ святыя мгновенья свѣтъ счастья блестнетъ
Надъ сердцами влюбленныхъ съ надзвѣздныхъ высотъ:
Если есть у кого что̀ простить, — всё простятъ;
Если есть что забыть,—дастъ забвеніе взглядъ,
Неразгаданный взглядъ чародѣйки ночной.
Даже страсти земли сговорятся съ луной!..

III.

„Пойдемъ!..“

Пойдемъ со мной туда, гдѣ глетчеръ
Вѣнчаетъ высь гранитныхъ горъ;
Пойдемъ туда, гдѣ зеленѣетъ
У синихъ льдовъ сосновый боръ!

Пойдемъ туда, куда лишь эхо
Несетъ звонки далекихъ стадъ,
Гдѣ убирается Юнгфрау
Въ свой лучшій радужный нарядъ...

Гдѣ даже солнце, солнце даже—
Всплываетъ ниже гордыхъ льдинъ,
Гдѣ только серна и промчится
Порой по выступу лавинъ...

Пойдемъ туда, гдѣ сѣнью крыльевъ
Цари пустынныхъ Альпъ, орлы,
Бросаютъ тѣнь на стаю тучекъ,
Взлетая съ каменной скалы...

Пойдемъ туда, подруга счастья!
Я—буду тамъ, гдѣ будешь ты.
А если мы не возвратимся
Къ долинамъ съ этой высоты,—

Всѣ станутъ думать, что обоихъ
Насъ взяли духи горнихъ странъ
И унесли къ себѣ—на небо,
Въ лазурноволный океанъ...

IV.

На альпійскихъ высотахъ.

По горамъ, по долинамъ пошелъ я за ней...
Проходили мы тамъ, гдѣ—отъ вѣка до вѣка,
Какъ гигантскій дельфинъ, головою своей
Опускается ледникъ къ ногамъ человѣка.
Изъ ноздрей у него вьется дымный туманъ,
А изъ пасти—бѣжитъ синеструйный Роданъ...

Помню яснаго утра лучистый восходъ...
Здѣсь—вспугнули двухъ сернъ мы своими шагами:
Золотистыя, встали на склонѣ высотъ,—
Словно счастья людского не чужды,—предъ нами
И лучистыя молніи зоркихъ очей
Утопили въ глазахъ у подруги моей...

И, смотря неподвижно, головки свои
Положили любовно онѣ другъ на друга.
И сказалъ я:—„Въ тебя, какъ въ зарю соловьи,

„Даже серны влюбились, красавица юга!..“
Я сказалъ, и въ отвѣтъ—ярче солнышка взглядъ
Засіялъ; но улыбка вернулась назадъ!..

Увидала подруга, что я всё смотрю,
Что любуюсь красою, очей не спуская;
И—лицомъ мнѣ напомнила утра зарю,
Расцвѣла вся румянцемъ, какъ роза живая...
И улыбка ея—притаилася тамъ,
Гдѣ рубины алѣли по юнымъ устамъ...

Нѣтъ! Не радуетъ сердца такъ первый цвѣтокъ,
Заалѣвшійся нѣжнымъ, какъ юность, румянцемъ!..
Нѣтъ! Не радовалъ взоровъ такъ солнца потокъ,
Расцвѣтившій Юнгфрау холоднымъ багрянцемъ—
Ледяную красавицу горъ вѣковыхъ,—
Какъ стыдливыя розы ланитъ молодыхъ!..

V.

Гдѣ-то.

1.

Нѣтъ! Счастливѣйшій не знаетъ
И вовѣкъ не разгадаетъ,
Гдѣ обитель есть такая въ мірѣ, тонущемъ во мглѣ,—
Что туда летятъ толпами
Духи съ бѣлыми крылами
И въ блаженствѣ созерцаютъ счастье жизни на землѣ...

2.

Не найдетъ мудрецъ вселенной
Уголокъ тотъ сокровенный,
Гдѣ—въ забытой всѣми кельѣ—въ дни весны я сердцемъ жилъ...
Сколько розъ благоухало,
Сколько листьевъ трепетало,
Соловьиный хоръ какіе гимны въ честь любви сложилъ!..

3.

Что за чудо-серенады
Въ часъ мучительной отрады
Каждой блѣдной лунной ночью раздавались по кустамъ!
Какъ гремѣлъ каскадъ въ томъ хорѣ,
Слившемъ вольныхъ звуковъ море;
Сколько пестрыхъ стадъ звенѣло бубенцами по лугамъ!..

4.

Даже спящимъ не приснится,
Что̀, бывало, тамъ творится;
Даже мѣрными строфами мнѣ всего не описать!
Заклинанья и признанья;
И лобзанья, и рыданья...
Это было и промчалось,—не воротится опять!..

5.

Долъ зеленый, крошка-келья —
Храмъ блаженнаго веселья;
Вишни, розы съ соловьями; и стада, и водопадъ, —

Все осталось тамъ, далёко,—
Гдѣ—распахнуты широко,
Отъ скалы къ скалѣ — незримо крылья бѣлыя
дрожатъ.

6.

Кроткій геній нашъ хранитель
Скрылъ блаженную обитель:
Не найти, хотя искать-бы всюду цѣлые года...
Знала путь туда одна ты,
Жертва ранняя утраты!—
Безъ тебя-жъ и мнѣ тої кельи не увидѣть
никогда!..

VI.

Три свидѣтеля.

Есть подъ окномъ моимъ фонтанъ,—
Всегда рыдаетъ онъ съ тоскою.
Есть близъ него одинъ платанъ,
Гдѣ соловьи живутъ семьею...
И есть одно окно, куда
Луна — полуночной порою —
Въ глаза мнѣ смотрится всегда...
И будитъ, что ни ночь, фонтанъ—
Меня и мѣсяцъ, и платанъ...

И я встаю, смотрю въ окно, —
Впиваюсь взглядомъ въ глубь долины.
А тамъ — фонтанъ поетъ давно,
Рыдаетъ рокотъ соловьиный;
Тамъ говоритъ мнѣ все о ней —
Любви безгрѣшной и невинной,
Любви потерянной моей...
Ищу её, смотрю въ окно;
А сердце — слезы льетъ давно!.

VII.
Одиночество.

Лѣса, луга, поля, потоки!
Что̀ вамъ разспрашивать о ней?!..
Безъ слезъ есть горе, безъ рѣчей:
Горюетъ молча одинокій...

Когда-жъ о ней заговорю,—
Я вижу взоры голубые,
Уста я вижу дорогіе,
Я — страсти пламенемъ горю!..

Не знаю я, куда мнѣ скрыться
Отъ сладкихъ думъ, отъ горькихъ слезъ,—
Какъ мнѣ забыть картины грезъ,
Какъ съ одиночествомъ мнѣ слиться!..

Брожу аллеями густыми,—
Въ саду о ней грустятъ цвѣты,
Ея рисуются черты,
Ея все слышится мнѣ имя...

Молчанье — спутникъ одинокій —
Дороже въ горѣ всѣхъ рѣчей...
Нѣтъ, не скажу я вамъ о ней,
Лѣса, луга, поля, потоки!..

Царевъ Курганъ.

Изъ сказаній о камскихъ болгарахъ.

1.

По нраву пришлось это мѣсто царю,—
А шелъ онъ съ низовъ изъ походу:
Отсюда, изъ стана, онъ видѣлъ зарю,
Съ горы нисходящую въ воду.

2.

Отсюда — съ приволья поёмныхъ луговъ —
На синюю матушку-Волгу
Съ зеленою цѣпью лѣсистыхъ бугровъ
Онъ могъ любоваться по-долгу.

3.

Не могъ наглядѣться и до-сыта онъ
На крѣпь Жегулей вѣковую,
На волжскаго плёса широкій затонъ,
На завѣсь небесъ голубую.

4.

Готовъ-бы сидѣть онъ съ утра до утра,
На мигъ не смыкаючи взоровъ,
Сидѣть — любоваться изъ двери шатра
Красою лѣсныхъ косогоровъ.

5.

„О, что здѣсь за дали! О, что за мѣста!
Подобна великому чуду
Разлитая волей небесъ красота
Во всемъ здѣсь — кругомъ и повсюду!..

6.

„О, если-бъ мой царскій престолъ не стоялъ
На Камѣ, въ Великихъ Болгарахъ,—
Сюда-бы вельможъ и купцовъ я созвалъ,
Народъ весь — отъ малыхъ до старыхъ!

7.

„Построилъ-бы здѣсь стольный городъ себѣ,
Вознесъ-бы надъ Волгой палаты
И царствовалъ въ нихъ-бы на диво судьбѣ —
Величіемъ правды богатый!

8.

„Отсюда смирялъ-бы я злобу хозаръ,
Законы давалъ-бы касогамъ;
И — громомъ гремѣло-бы имя болгаръ
По волжскимъ нагорнымъ отрогамъ!

9.

„Но время-ль раздумью?!. Ужъ ропщутъ войска,
Тоскуя надъ Волгой по Камѣ...
Пора—въ путь-дорогу! Лихая тоска
Не кинется-жъ слѣдомъ за нами!..

10.

„Простите, привольныя дали луговъ!
Прощайте, зеленыя горы!...“
И царь былъ печали предаться готовъ;
Но вдругъ — оживилися взоры.

11.

Сверкнулъ онъ очами, взялъ турій свой рогъ,
Кличъ кликнулъ несмѣтнымъ дружинамъ
И всталъ передъ ними — привѣтливъ и строгъ,
Окинувъ всѣхъ взглядомъ орлинымъ:—

12.

„Съ зарею сѣдлать звонконогихъ коней,
Шатрами сниматься порà намъ!
Но пусть знаютъ всѣ, что владыка царей
Стоялъ здѣсь съ дружиною станомъ!

13.

„Дружинники-други, по горсти одной,—
Дружинники-други, внемлите,—
По горсти земли надъ могучей рѣкой,
Гдѣ былъ мой шатеръ, положите!..“

14.

Весь берегъ покрытъ былъ шатрами окрестъ.
И вотъ — на призывъ властелина,
Во славу красы покидаемыхъ мѣстъ —
Взялась за работу дружина.

15.

Съ зарею — высокій бугоръ земляной
Горою вздымался предъ станомъ...
Вѣка пролетѣли надъ Волгой родной,
Но онъ — не исчезъ: онъ стоитъ надъ рѣкой,
Слыветъ онъ Царёвымъ Курганомъ!..

Волга, іюнь 1896 г.

Подъ сѣнью сосенъ.

I.

Въ безмолвіи сосенъ,
Въ молчаньи торжественномъ
Мнѣ чудятся думы
О чемъ-то Божественномъ.

Все—сосны; повсюду—
Стоятъ исполинами,
Въ холодное небо
Вонзаясь вершинами.

А ночь надо мною—
Мечтой окрыленная—
Плыветъ въ полумракѣ,
Какъ вѣчность—бездонная.

Ночь сѣетъ незримо
Мечты невозвратныя—
Далекія небу,
Землѣ непонятныя.

И внемлю я, внемлю—
Какъ зову далекому—
Безмолвію сосенъ,
Молчанью глубокому...

II.

Сегодня цѣлый день шумитъ сосновый лѣсъ,
Сливая ропотъ свой въ какой-то хоръ угрюмый,
Какъ-будто связанный одною общей думой
Съ холодною красой безоблачныхъ небесъ.

Вотъ онъ бѣжитъ-плыветъ съ опушки—мягкій
гулъ;
Вотъ онъ идетъ-растетъ—иглистыхъ вѣтокъ
шорохъ;
Вотъ затерялся онъ въ песчаныхъ косогорахъ,
Вотъ—съ новой силою отвсюду потянулъ...

И ловятъ этотъ гулъ, полны тоскою шумной,
Вершины дальнія отъ ближнихъ и несутъ—
Несутъ его туда, гдѣ сестры ихъ растутъ
Въ своей таинственной тревогѣ многодумной...

Быть можетъ, въ этотъ день весны живой
дыханье,
Вошедшей въ темный боръ, обвѣяло его
И тайны зимняго молчанья своего
Онъ ей передаетъ въ счастливомъ ожиданьѣ.

Иль, можетъ быть, онъ шлетъ далекимъ
небесамъ—
Свой новый вызовъ шлетъ за старыя обиды;
Иль правитъ по борцамъ погибшимъ пани-
хиды—
Готовый съ бурею поспорить снова самъ...

Плыветъ тревожный гулъ, зеленый шумъ рас-
тетъ;
И вторитъ лѣсъ ему въ величіи угрюмомъ,
И нѣтъ конца его невысказаннымъ думамъ.
И рвется мысль моя за нимъ — впередъ, впе-
редъ!..

III.

Подъ темнымъ намётомъ сосны вѣковой,
Пронизаннымъ солнца лучами,
Лежу я безмолвно... Коверъ моховой
Пестрѣется всѣми цвѣтами.

Въ глуши благодатной, вдали отъ людей,
Недвижно—какъ мертвый—лежу я
И въ ближній просвѣтъ изъ-за хвои вѣтвей
Любуюсь на высь голубую.

Кругомъ—тишина, тишина, тишина...
Какъ-будто—въ истомѣ отъ зноя
Забылась природа, въ объятіяхъ сна
Неспящую жизнь успокоя.

Пролётное облачко держитъ свой путь;
За облачкомъ думы несутся.
И хочется здѣсь мнѣ заснуть, такъ заснуть—
Чтобъ послѣ вовѣкъ не проснуться!..

IV.

Къ пустынному приволью
Склонился небосклонъ;
Душистый воздухъ смолью
И зноемъ напоёнъ.

Ни звѣря и ни птицы
Среди прямыхъ стволовъ;
Надъ ними—вереницы
Немчужныхъ облаковъ.

Пески, да мхи, да хвоя—
И безлюдной сторонѣ.
Предчувствіе покоя—
И природѣ и во мнѣ!..

V.

Чѣмъ чаще я брожу змѣистыми тропами
Среди воздвигнутыхъ природой колоннадъ,—
Тѣмъ больше нахожу пытливыми очами
Духовной красоты въ сѣни лѣсныхъ громадъ.

Чѣмъ гуще надо мной навѣсъ печальной хвои,
Чѣмъ дольше остаюсь съ собой наединѣ,—
Тѣмъ дальше отъ меня всё темное-земное,
Тѣмъ небо ясное—роднѣй и ближе мнѣ.

Я понялъ, почему ревнители святыни
Въ былыя времена—во тьмѣ сѣдыхъ вѣковъ,
Отъ міра удалясь, отрясши прахъ грѣховъ,
Въ лѣсахъ—искали „матери-пустыни“!..

VI.

Стою и—слушаю ночную тишину.
И пальмы сѣвера внимаютъ ей-же—сосны...
Отъ нихъ, какъ отъ меня, сегодня далекò сны,
Хоть въ этотъ поздній часъ всё клонится ко сну...

Ночная тишь для насъ — мечтой вдохновленà
Она—звенитъ, поетъ, нашептываетъ сказки...
Ночная темь для насъ мѣняетъ всѣ окраски—
Какимъ-то таинствомъ невѣдомымъ полна...

Ни звѣздъ, ни мѣсяца... Но словно нѣкій свѣтъ
Изъ самой темноï тьмы мерцаетъ передъ нами
Неуловимыми, незримыми лучàми...
Не ночь-ли это шлетъ неспящимъ свой привѣтъ?

Не ночь-ли то глядитъ изъ тьмы въ глаза ко мнѣ?!.
Я чувствую, что въ ней—душа живая бьется...
Она пришла, идетъ, проïдетъ и—не вернется...
О, пальмы сѣвера! Внимайте тишинѣ!..

Изъ „Пѣсенъ о каменномъ городѣ“.

I.

Зачумленные.

„Погибаемъ мы, всѣ погибаемъ!..“—
Стонъ плыветъ въ полунѳчной тиши,
Вторя голосу чуткой души,
Осѣненной потерянным̀ъ раемъ.

Льется онъ изъ безвѣстныхъ глубинъ,
Мелочнымъ поколѣньемъ забытыхъ;
Онъ какъ-будто нисходитъ съ вершинъ,
Вѣчнымъ снѣгомъ забвенья покрытыхъ.

Онъ не слышенъ лишь тѣмъ, кто заснулъ
Сномъ здоровья—живымъ и спокойнымъ...
О, для тѣхъ этотъ стонущій гулъ
Не звучитъ и аккордомъ нестройнымъ!

Надъ безмолвьемъ громадъ городскихъ,
Въ океанъ тишины погруженныхъ,
Не для нихъ онъ летитъ, не для нихъ
Эти вопли сердецъ зачумленныхъ!..

Безпощадною волею зла
Низведенные въ бездну пороковъ,—
Власть безумныхъ страстей ихъ сожгла —
Извращенія жизни пороковъ...

Совѣсть, совѣсть-изгнанница имъ,
Встрѣтясь послѣ невольной разлуки,
Воздаетъ возвращеньемъ своимъ
Безконечныя муки за муки...

Гаснетъ пламя живого ума;
Сердце зноемъ тлетворнымъ палимо,—
Разливаетъ свой ядъ въ немъ чума;
Призракъ смерти проносится мимо...

Исцѣленья не будетъ для нихъ,
Отъ себя не уйти никуда имъ!
И плыветъ изъ громадъ городскихъ,
Къ небу рвется ихъ стонъ:
„Погибаемъ!..“

31 Октября 1893 г.

II.

Фигляры.

1.

Тянется, тянется лента,—конца нѣтъ:
Изо-рта бьетъ лентъ бумажныхъ каскадъ...
Съ публикой глупо и пошло паяцъ балаганитъ;
Стрѣлы остротъ отупѣлыхъ съ подмостковъ летятъ...
Бѣдный! Какъ онъ не устанетъ!..

А между тѣмъ—былъ когда-то завидный въ немъ даръ,
По замѣчанію судій искусства,
„Даръ пробуждать усыпленныя чувства“!
Былъ онъ когда-то артистомъ, да только навѣки давно
Память о томъ заглушило разымчивымъ хмѣлемъ вино...
Бѣдный фигляръ!..

2.

Тянется, тянется лента,—конца нѣтъ...
Фразу на фразу, на слово—слова
Нижетъ шаркунъ свѣтскихъ залъ, словно изо-рта тянетъ:
Новая мысль, а и въ старой есть смыслъ-то едва...
Бѣдный! Какъ онъ не устанетъ!..

А между тѣмъ—Цицерона салоннаго даръ
Понабралòся послушать народа
Въ залъ, гдѣ дана верхоглядамъ свобода:
Пять-шесть дѣвицъ перезрѣлыхъ, да пара бальзаковскихъ дамъ.
Это для нихъ-то онъ такъ въ краснорѣчіи модномъ упрямъ...
Жалкій фигляръ!..

3.

Тянется, тянется лента,—конца нѣтъ...
„Кругъ молодежи"—пустой краснобай,—
Пестрою розынью фразъ онъ глаза ей туманитъ;
Жизнь онъ отдастъ на словахъ за родимый свой край...
Бѣдный! Какъ онъ не устанетъ!..

Жизнь . отдавать?!. То — присущій лишь избраннымъ даръ...
Онъ-же хоть избранъ во многіе клубы,
Только за ближнихъ страдать не ему-бы:
Что̀ ему край нашъ родной? Что̀ страданья народнаго стонъ?!.
Ищетъ въ средѣ молодежи себѣ популярности онъ!..
Пошлый фигляръ!..

Два силуэта.

I.

Неземная красота,
Неприступная ундина!
Вся она—какъ снѣгъ чиста,
Вѣетъ холодомъ—какъ льдина...

Свѣтлый взоръ, наивный взоръ...
Весь—у неба онъ во власти;
Словно чужды до сихъ поръ
Ей земныя наши страсти!

Какъ она скромна при васъ,
Съ каждой встрѣчей—все безмолвнѣй!
Но тайкомъ изъ ясныхъ глазъ
Вылетаютъ стрѣлы молній...

„Неприступны выси горъ,
Но и къ нимъ смѣльчакъ доходитъ!“—
Говоритъ вамъ этотъ взоръ,
Сердце съ сердцемъ рѣчь заводитъ:

...ихъ крутизнахъ
... цвѣтъ такъ ярокъ;
...хъ на видъ сердцахъ
... тайной страсти жарокъ..."

...ка, какъ снѣгъ, чиста;
... груди у ней—не льдина...
... Такая красота—
... холодная ундина!..

II.

Вся повита нѣгой томной,
Грезъ сіяньемъ залита;
Жгучей страстью неуёмной
Опьяняетъ красота...

Сыплютъ искры звѣзды-очи,
Льютъ уста дыханье розъ
И—темнѣе тёмной ночи
Волны вьющихся волосъ...

Столько въ ней кипучей страсти,
Столько силы роковой,
Что—ея покоренъ власти—
Всякій скажетъ: „Весь я твой!..“

Красотѣ ея конца нѣтъ;
Въ ней—огонь и хмѣль, и ядъ!
И чаруетъ, и туманитъ
Этотъ южный, томный взглядъ...

На рубежѣ.

I.

Въ былую, счастливую дѣтскую пору
Знакомъ я былъ съ доброй царицею фей;
Она открывала незримое взору,
Когда появлялась изъ темнаго бору
Съ веселою елкой—на радость дѣтей...

Красавица лѣса блестѣла огнями,
Огнями сіяла,—къ себѣ всѣхъ маня
Хлопушками, куклами, чудо-конями;
Но въ мірѣ сластей и игрушекъ вѣтвями
Скрывалось другое совсѣмъ для меня...

Мнѣ видѣлись рѣзвые эльфы-малютки,—
Сплетаясь руками, водили они
Свои хороводы подъ пѣсни и шутки;
Имъ вторили гномовъ сѣдыхъ прибаутки,
Зимой поминавшихъ весенніе дни...

И, жадно впиваясь глазами, слѣдилъ я
Съ какою-то грустью за тѣмъ, какъ ихъ рой
Своей забавлялся веселой игрой;
Обрывки рѣчей ихъ невнятныхъ ловилъ я,
Не слыша—ко мнѣ обращенныхъ порой...

Отъ нашего дѣтства теперь далекò мы;
Но снова—и елка, и радость дѣтей,
И кажется мнѣ, что въ мерцаньи свѣчей
Я вижу, какъ прежніе эльфы и гномы
Мелькаютъ на святочной елкѣ моей...

Но, мнится, я слышу—не пѣсни, не шутки,
Не игры теперь затѣваютъ они...
Мнѣ внятны слова, и слова все одни:
„Не дѣтство-ли жизнь вся?!. Взгляни ты, взгляни!..“
Да... Жизнь — дѣтство вѣчности, эльфы-малютки!

II.

Декабрь идетъ къ концу, минуетъ
Тяжелый годъ; еще лишь день,
И—перейдемъ въ тревогѣ смутной
Его послѣднюю ступень...

И старый годъ пойдетъ за нами,
Въ одномъ ряду со всѣмъ „былымъ“,
Зловѣщей тѣнью молчаливой—
Путемъ обычнымъ роковымъ...

Быть можетъ, тамъ—за этой гранью,
Румянясь утренней зарей,
Взойдетъ надежда молодая
Въ мерцаньи кроткомъ надо мной.

А можетъ быть—въ туманѣ хмуромъ,
Прощальнымъ заревомъ объятъ,
Тамъ тихо гаснетъ, догорая,
Мой преждевременный закатъ...

Два силуэта.

О, еслибъ онъ съ собой, вступая въ жизнь
такъ смѣло,
Побольше новаго, хоть скромнаго-бы, дѣла,
Поменьше новыхъ — громкихъ словъ
принесъ!..

Полонянкина Коса.

Изъ волжскихъ сказаній.

Справа—выступъ зеленой горы,
Слѣва—òтмель желтѣетъ косою;
Посединѣ—синѣетъ рѣка,
Въ оба берега плещетъ волною.
И одинъ къ одному берега—
Всё тѣснѣй, да тѣснѣй съ каждымъ лѣтомъ...
Бродитъ Волгой, въ народѣ, разсказъ,—
Ходитъ вѣщее слово объ этомъ.
Молвитъ сказъ:

1.

...Въ стародавніе дни,
Въ позабытые дѣдами годы
Волга-матушка глубже была,
Вдвое шире синѣли здѣсь воды.

2.

На нагорномъ крутомъ берегу
Тёменъ-боръ поднимался до неба;
Въ немъ, отъ устья Оки до Суры,
Ни души не нашлося нигдѣ-бы.

3.

А на той, луговой, сторонѣ —
На широкомъ зеленомъ привольѣ —
Кочевала орда: было тамъ
Некрещеному люду раздолье.

4.

Завезли въ ту орду, невзначай,
Полонянку изъ Руси родимой...
Приглянулася хану краса:
Взялъ—въ шатеръ свой рабыней любимой.

5.

Да—собака—ей нѣлюбъ онъ былъ...
Какъ орда залегла на стоянкѣ
По заволжскимъ лугамъ,—не нашелъ
Ворогъ-лютъ молодой полонянки!

6.

Черной тучки чернѣе сидитъ
Въ опустѣломъ шатрѣ полотняномъ, —
Гнѣвенъ нѣхристь; опала его
Громомъ-громъ разразилась надъ станомъ...

7.

Не нашли и гонцы, не нашли,—
А ужъ гдѣ-то, ужъ гдѣ ни искали!
„Обернулася птицей, на Русь
„Улетѣла!“—владыкѣ сказали.

8.

Ханъ не вѣритъ... Грозёнъ ханскій гнѣвъ,—
Только гнѣвъ-отъ не всѣмъ этотъ страшенъ
Хоть тряслось отъ него на Руси
Много стѣнъ глинобитныхъ и башенъ.

9.

Упорхнула изъ клѣтки — ушла,—
Хоть не птицей краса улетѣла,—
Да ужъ больше поганой рукѣ
Не ласкать бѣлоснѣжнаго тѣла...

10.

Да ужъ больше-то волчьимъ глазамъ
Не смотрѣть бѣлой лебеди въ очи,
Что—синѣе, чѣмъ неба лазурь,
Глубже Волги, темнѣй полуночи.

11.

Нѣтъ, не будетъ насильникъ лихой
Расплетать косу русую эту!..
Ускользнула краса ввечеру,
Не хватились — до бѣлаго свѣту...

12.

Шла лугами, оврагами шла;
Шла болотомъ—въ водѣ по колѣна.
Ночь ее прикрывала собой,
Звѣзды — путь ей казали изъ плѣна...

13.

Зорька къ Волгѣ ее привела, —
Ноги—въ кровь, ноетъ бѣлое тѣло;
Растрепалась коса; сонъ долитъ.
На лужокъ полонянка присѣла.

14.

Притаилась въ высокой травѣ,—
А трава-то ей по-поясъ всюду!..
Поднялася краса, отдохнувъ,—
Ждетъ и молитъ спасенія-чуда.

15.

Хоть-бы кто̀-нибудь съ той стороны
На ладьѣ къ ней подплылъ ненарокомъ,—
Ждётъ и молитъ, и плачетъ она,
Въ даль впиваясь тоскующимъ окомъ.

16.

Никого... Вдругъ, всмотрѣлась—глядитъ
И себѣ не повѣрила сразу:
За рѣкою стоитъ человѣкъ
И съ нея не спускаетъ онъ глазу.

17.

Ка̀къ могла разглядѣть въ немъ того,
Съ кѣмъ неволя ее разлучила,—
Съ кѣмъ лишь за̀-день до плѣна она
Вкругъ налоя во храмѣ ходила?!.

18.

Распознала... „Желанный! Иду!..“
И—стремглавъ прямо въ Волгу съ откосу...
Волны обняли жарко ее;
Вѣтеръ треплетъ ей косыньку-косу

19.

Силъ не стало ей плыть; а назадъ
Возвращаться — и этого хуже...
„Соколъ ясный, тону! Помоги!“—
Крикомъ кличетъ любимаго мужа.

20.

И—въ послѣдній разъ очи открывъ,
Увидала, что вмѣстѣ съ горою
Къ ней навстрѣчу идетъ онъ — спѣшитъ;
И ее захлестнуло волною...

21.

Скòро свидѣлась съ милымъ она —
Въ тотъ-же часъ,—да не тàмъ, гдѣ молила:
Спать его каленàя стрѣла
Въ чистомъ полѣ давно уложила!

22.

Утонула... Песокъ затянулъ...
Только сладить не могъ онъ съ косою:
Стала кверху всплывать — поднимать
И его изъ воды надъ собою...

23.

Съ каждымъ лѣтомъ коса—всё длиннѣй;
Что ни годъ—Волга мельче здѣсь, уже:
Все тѣснѣе, тѣснѣй берега.
И никто не пойметъ — почему-же...

24.

Только старый таинственный сказъ,
Словно странникъ съ клюкою, въ народѣ
Ходитъ-бродитъ, пророча порой,
Что въ грядущемъ незнаемомъ годѣ —

25.

Перекинется отмель-коса
Прямо къ выступу, встрѣтится съ кручей
И обнимется съ нею навѣкъ:
Вспять бѣжать съ тѣхъ поръ Волгѣ могучей!..

...Словно сдавлена Волга-рѣка,
Въ оба берега бьется волною.
Справа—выступъ зеленой горы;
Слѣва—стелется отмель косою...

И невольно, при взглядѣ на нихъ,
Вспоминаешь судьбу полонянки,
Убѣжавшей къ милóму на Русь
Изъ-за Волги съ ордынской стоянки...

Волга, Перевозки.
9 іюня 1896 г.

Очерки осени.

I

На просторѣ неба чистаго—
Словно цѣпи снѣжныхъ горъ;
Въ нѣдрахъ острова гористаго—
Глуби синія озеръ...
А внизу—поля безлюдныя,
Запустѣлыя поля;
Блѣкнутъ травы изумрудныя,
Стынетъ мать-сыра-земля...

Смотришь на̀-небо осеннее
И—до жгучей боли жаль:
И полей широкихъ даль,
И весну, и вдохновеніе!..

II.

День тихо угасалъ, румянцемъ зорьки алой
Горя надъ зеленью поблёкшею луговъ,—
Навстрѣчу ночи шелъ походкою усталой,
Все замедляя ходъ задумчивыхъ шаговъ.

Красавецъ осени—онъ былъ влюбленъ въ долины,
Въ зеленокудрые тѣнистые лѣса,
Въ таинственную даль—и въ темныхъ горъ руины,
И въ расцвѣченныя лазурью небеса.

И былъ онъ полонъ силъ, и молодъ былъ душою;
И жить хотѣлъ онъ—жить, безсмертіе вкусивъ,
Чтобъ небо съединить съ родной ему землею,
Предвѣчную зарю надъ бездной тьмы разливъ.

А тьма была близка... Наперсникъ темной ночи—
Шелъ вечеръ по землѣ... Блѣднѣли всѣ цвѣта...
Въ одно мгновенье день смежилъ навѣки очи
И сердце чуткое, и знойныя уста...

Наутро—младшій братъ смѣнилъ его собою...
Но такъ онъ блѣденъ былъ! Но такъ былъ
онъ угрюмъ,—
Какъ-будто былъ рожденъ не свѣтомъ онъ, а
тьмою—
Для мукъ безсилія, для пытки чёрныхъ думъ...

Грусть воплощенная — онъ весь былъ непо-
года...
И—въ немъ себѣ отвѣтъ на думы всѣ найдя,
О днѣ, красавцѣ-днѣ, сіявшемъ уходя,
Слезами осени заплакала природа...

III.

1.

Шелестъ берёзокъ я слушалъ въ лѣсу...
Слышались жалобы въ шелестѣ этомъ:
„Такъ-ли ласкало, подруженьки, лѣтомъ
„Солнце зеленую нашу красу?!.
„Осени рады лишь ели, да сосны:
„Лѣто-ль, весна-ли, зима-ль,—все равно
„Имъ красоваться листвой не дано!
„Намъ-же осеннія ласки несносны!..
„Ходитъ въ лѣсу, Лихо-Лихомъ, она:
„Листья, ласкаючи насъ, обрываетъ,
„Пѣсней своею тоску нагоняетъ,
„Вѣетъ кошмаромъ тяжелаго сна...“

2.

Шелеста грустнаго осень не слышитъ,—
Осень колдуетъ, гуляя въ лѣсу:
Сушитъ деревьевъ живую красу,
Смерти холоднымъ дыханіемъ дышитъ...
Вѣтеръ-приспѣшникъ—за осенью вслѣдъ,

Знай—собираетъ осеннія дани...
Ночью, что въ саванѣ, лѣсъ весь—въ туманѣ,
Днемъ—онъ лучами небесъ не согрѣтъ...
Холоденъ, мраченъ онъ весь, какъ могила.
Словно предсмертные стоны раба,
Льётся въ немъ листьевъ послѣднихъ мольба:
„Солнышко красное! Гдѣ-жъ твоя сила?!.“

IV.

1.

О только въ этотъ день я понялъ, какъ
близка мнѣ
Родной природы жизнь... Томясь ея тоской,
Уныло я сидѣлъ въ лѣсу, на мшистомъ камнѣ,
Подъ старою сосной.
Вокругъ меня струилъ свои благоуханья
День ясный августа, тепломъ дышавшій день;
Но—смертью вѣяла, не зная увяданья,
Зеленой хвои сѣнь.
Хоть солнце ласково лучи свои роняло,—
Но тѣни грустныя мелькали по песку;
Но безнадежностью отчаянья звучало
Лѣсной печальницы послѣднее „ку-ку“...

2.

Хотя игрой лучей съ лазурью голубою
И думалъ этотъ день природу обмануть,—
Но солнцу не согрѣть по лѣтнему собою
Земли сырую грудь!
Пора осенняя плѣнить собой хотѣла—

Какъ женщина — красой поддѣльною лица,—
Но подъ румянцемъ дня природа разглядѣла
Улыбку мертвеца!..
О, только въ этотъ день, на мшистомъ сидя
камнѣ,
Родной природы жизнь постигъ я всей душой...
Я понялъ, что она таинственно близка мнѣ
Весенней радостью, осеннею тоской!..

Лѣсной. 1896 г.

Кровавая тропа.

Изъ хроникъ XIV вѣка.

Глава первая.

1.

„Черная смерть показалась въ Шварцвальдѣ!“—
Черную слышно молву:
„Старыхъ и малыхъ разить ей не жаль-де,—
„Коситъ народъ, что траву!“

2.

„Черная смерть!..“
И—отъ края до края
Вѣсть услыхали одну.
Вмигъ облетѣла одна роковая
Черная птица страну...

3.

„Черная смерть!..“
Города и селенья,
Тысячи вымерли, мрутъ...
Нѣтъ отъ непрошенной гостьи спасенья,—
Всѣхъ обвиваетъ, какъ спрутъ!

4.

„Черная смерть!..“
Знать, напрасно прелаты
Мессы поютъ ночь и день,—
Рыцарей даже сквозь крѣпкія латы
Смерти касается тѣнь!..

5.

Черная смерть по Тюрингіи бродитъ,
Путь и въ Саксонію ей;
Вплоть до Познани, незваная, ходитъ—
Мрака ночного чернѣй...

6.

„Черная смерть!..“
Человѣкъ почернѣетъ,
Чуть повстрѣчалась она!..
Ужасомъ въ цѣлой Германіи вѣетъ,
Венгрія—страхомъ пьяна...

7.

Черная смерть...
Вдругъ, обмолвились гдѣ-то:
—„Найденъ виновникъ бѣды!
„Рѣки, озёра, колодцы намъ это
„Травятъ отравой—жиды!..“

8.

Черная смертъ...
Было слово—чернѣе:
Слово народъ подхватилъ...
Затрепетали недаромъ евреи:
Черный ихъ день наступилъ!..

9.

Черная смертъ...
Но—чернѣй было дѣло
Тамъ, гдѣ—безумно-слѣпа—
Мечъ подняла, какъ на мертвое тѣло.
На беззащитныхъ толпа...

Глава вторая.

1.

Отъ Шварцвальда до Познани,
Словно старый логъ рѣки,
Протянулись полосою
Тёмнокрасные пески.

2.

То подъ лѣсомъ пропадая,
То теряясь въ городахъ,
То по нивамъ, то—дорогой
Вьётся тотъ песчаный шляхъ...

3.

Почему-жъ песокъ тотъ красенъ,
А не сѣръ, не жёлтъ, не бѣлъ,—
Объяснить никто-бы въ мірѣ
Никогда-бы не сумѣлъ,—

4.

Еслибъ старое сказанье
Изъ туманной мглы вѣковъ
Не гласило-бы такъ ясно
Всѣмъ про этотъ цвѣтъ песковъ...

5.

А гласитъ оно изъ хартій
Древней хроники о томъ,
Что гуляла тѣнь Мораны *)
Этимъ-самымъ рубежомъ...

6.

„Черной смертью“ именуясь,
Всей Германіей прошла;
И за ней—по чернымъ трупамъ
Кровь среди песковъ текла...

7.

Насыщаясь свѣжей кровью—
Кровью тысячъ жертвъ толпы,—
Приняла ея дорога
Видъ алѣющей тропы...

*) *Морана*—богиня смерти, въ германской миѳологіи.

8.

Чья-же, чья-же кровь струилась,
Шла песками, что рѣка,
До Познани отъ Шварцвальда
Въ отдаленные вѣка?—

9.

Кровь невинныхъ жертвъ народа,
Обвинившаго другой—
Въ небываломъ преступленьи
Въ годъ ужасный моровой!..

10.

Шли вѣка... Но кровь евреевъ
Смыть—не смыли и они:
Изъ песковъ она къ Егòвѣ
Вопіетъ и въ наши дни...

11.

И—пока слыветъ слѣпою
И безумною толпа,—
Для нея укоромъ будетъ
Та кровавая тропа!..

С.-Петербургъ, май 1895 г.

Звѣзда морей.

Фантазія.

1.

Погибъ экипажъ... Ихъ корабль утонулъ...
Вдвоемъ—на гротъ-мачтѣ разбитой
Несутся они по могучимъ волнамъ
Пучины сѣдой и сердитой.

2.

Погибъ экипажъ... Только сынъ, да отецъ—
Вдвоемъ изо всѣхъ уцѣлѣли!..
Сынъ — живъ, или нѣтъ, — но привязанъ къ снастямъ,
Всѣ члены отца онѣмѣли...

3.

Но крѣпко впился онъ въ смолёный канатъ
Своей мускулистой рукою;
Горятъ еще жарко глаза у него,
Предсмертною полны тоскою...

4.

„Пречистая Матерь!“—онъ молитъ порой,
Холодными шепчетъ устами:—
„Приди къ намъ, спаси насъ!..“ И внемлетъ:
„Крѣпись!
„Надѣйся на помощь: Я—съ вами!..“

5.

И видитъ онъ: по-морю Дѣва идетъ—
Заступница міра Святая;
На ней серебрится одежда, что снѣгъ,—
Сама—что звѣзда золотая...

6.

И волны стихаютъ предъ Нею... Спасенъ!
Онъ—землю лобзаетъ устами,
Онъ—сына любимаго обнялъ рукой,
Онъ—моря не видитъ очами...

7.

И небо такъ ясно, и солнце блеститъ...
О, сколько здѣсь блеска и свѣта!..
Вотъ городъ родимый... Родная семья...
И жизнь—тихимъ счастьемъ согрѣта...

8.

А море, какъ прежде, бурлило... Надъ нимъ
Горами вздымалися волны...
А бездны зіяли, какъ прежде, изъ волнъ—
Могильнаго ужаса полны...

9.

Какъ призракъ, мелькнула изъ тучи луна
И скрылась... Въ пучинѣ сердитой
Она озарила холоднымъ лучомъ
Два трупа на мачтѣ разбитой:

10.

Одинъ—посинѣлый, застывшій давно;
Другой-же—съ улыбкой такою
На мертвыхъ устахъ, словно сонъ, а не смерть,
Сомкнулъ ихъ навѣки собою...

11.

Отъ ужасовъ смерти въ моментъ роковой
Спасенъ былъ онъ грёзой, свѣтящей
Для всѣхъ погибающихъ въ безднѣ морей—
Звѣздою, о мірѣ Скорбящей...

1895 г., апрѣль.

Солнечные заигрыши.

Веснянка.

1.

На Христово Воскресенье,
Въ безднахъ неба-океана,
Солнце красное играетъ
На восходѣ ранымъ-рано.

2.

Солнце заигрыши ладитъ,
Плясъ заводитъ надъ землею—
Къ новой жизни воскресая
Вмѣстѣ съ новою весною...

3.

Какъ заутреню отслужатъ,
Отпоютъ обѣдню въ храмѣ,
Какъ разсвѣтъ зардѣетъ алый
Надъ широкими полями,—

4.

Собираются толпою
На бугры и на пригорки
Всѣ, кто къ вёснамъ сердцемъ чутки,
Кто глазами дальнозорки...

5.

Добрыхъ молодцевъ здѣсь—вдоволь,
Краснымъ дѣвушкамъ—нѣтъ счета;
И дѣвчатъ, да и мальчишекъ
Посмотрѣть беретъ охота...

6.

Всѣ бѣгутъ, безъ передышки,
За деревни и за сёла
Любоваться вешнимъ чудомъ—
Пляской солнечной веселой!..

7.

Ждать недолго... Выплываетъ
Изъ-за горъ-горы денница.
Или это искры мечетъ,
Машетъ крыльями жаръ-птица?!.

8.

Солнце тѣшится-играетъ...
Красну-солнышку въ угоду—
Запѣвало пѣснь заводитъ
Развеселому народу...

9.

Мигомъ дѣвушки подхватятъ,
Парни голосомъ подтянутъ,
Дружнымъ ладомъ хоровую
По веснѣ впервые грянутъ...

10.

И звенятъ, плывутъ и льются,
Съ колокольнымъ краснымъ звономъ,
Пѣсни красныя—„веснянки“
По лугамъ и по услонамъ...

11.

Только въ полдни разойдутся
По дворамъ; какъ вечеръ—снова
Соберутся хороводомъ
Посреди села родного...

12.

Спѣлся кто ладкомъ о Пасхѣ,—
Ѳоминой и свадьбу ладитъ;
И для паръ для сговоренныхъ
Долъ весна цвѣтами рядитъ...

13.

Всю недѣлю веселятся
Вплоть до самой Красной Горки
Всѣ, кто къ вёснамъ жизни чутки,
Всѣ, кто сердцемъ—дальнозорки...

14.

Для невѣстъ и солнце жарче
Свѣтитъ-блещетъ ранымъ-рано
На Христово Воскресенье
Въ безднахъ неба-океана...

1895 г.

На плотахъ.

Изъ „Картинъ Поволжья“.

I.

На привалѣ.

1.

Тамъ,—гдѣ горы ушли
Вдаль отъ Волги-рѣки,
Замелькали кругомъ
По водѣ огоньки.

2.

Припадая къ волнамъ,
Посреди темноты
Полосою сплошной
Протянулись плоты.

3.

Завтра—вмѣстѣ съ зарей
Внизъ по стрежню пойдутъ,—
Понесутъ на себѣ
Потъ народный и трудъ...

4.

Вотъ—сидятъ у костра
На плоту рулевомъ,
Собрались бурлаки
Передъ дымнымъ котломъ.

5.

Ложки черпаютъ въ ладъ,
Хвалятъ парни наваръ:
Знать, на-славу сварилъ
Ужинъ имъ кашеваръ!

6.

Вся широкимъ крестомъ
Осѣнившись заразъ,
Трудовая семья
По плотамъ разбрелась...

7.

Улеглись—гдѣ пришлось:
Дорогъ сонъ, не постель!
Лечь успѣла едва—
Захрапѣла артель...

8.

Ночь плыветъ... Съ темнотой
Споръ заводитъ вода:—
„Люди гонятъ плоты?
„Ихъ-ли гонитъ нужда?!“

II.

Въ пути.

1.

Ухватились другъ-за друга
Перерубами деревъ...
Съ ними—Унжа и Ветлуга
Шлютъ степямъ поклонъ лѣсовъ...

2.

Налетѣло... Подхватило...
Руль сломало; понесло...
Расходилась вражья сила,
Лихо—по̀-воду пошло!

3.

И верхо̀вый, и моряна—
Оба вѣтра—налегкѣ,
Въ дымкѣ бѣлаго тумана,
Пробѣжали по рѣкѣ.

4.

Не подъ силу съ пароходомъ
Совладать имъ и вдвоёмъ:
Знай—плыветъ себѣ по водамъ...
Вихорь-буря—нипочемъ!

5.

Каравану, пролетая,
Понадѣлали бѣды,—
Баржи бортомъ накреняя,
Поначерпали воды...

6.

Затопилъ-бы ихъ низовый,
Да верховый помѣшалъ:
Вишь, не во-время онъ новый
Подкатилъ съ налёту валъ!

7.

Держатъ берегомъ къ затону...
Знать—не-промахъ лоцмана,—
Хоть и задали-жъ имъ звону
Вѣтры оба, да волна!..

8.

Берегъ—вплоть... Съ размаху въ воду
Полетѣли якоря...
—„Нѣтъ, къ поволжскому народу
„Подступаться, видно, зря!..“—

9.

Говоритъ моряна братцу...
А верхо́вый—ей въ отвѣтъ:
—„До плотовъ-бы намъ добраться!
„Только—что-то здѣсь ихъ нѣтъ!..“

10.

Чуть промолвилъ (на вспоминѣ,
Знать, легки!)—плоты ужъ тутъ:
Выгребаютъ по быстри́нѣ,—
Цѣлой ярмаркой плывутъ...

11.

Бурлаки столпились кучей,
Всѣ—съ баграми по рукамъ.
Отъ бѣды отъ неминучей
Не уйти плотовщикамъ!..

12.

Мчатся волнъ крылатыхъ стаи
Къ нимъ со всѣхъ семи дорогъ...
Битву чуютъ „ветлугàи“;
Имъ защитой—только Богъ!..

13.

Налетѣло; подхватило.
Руль сломало, понесло...
Расходилась вражья сила,
Лихо—по̀-воду пошло!

14.

Смерть близка была къ ребятамъ,
Да—морянѣ стало жаль:
Откачнулась вмѣстѣ съ братомъ
Отъ плотовъ, куда-то вдаль...

15.

Усмѣхнулись другъ на друга:
„Жаль топить-то бѣдняковъ!
„Съ ними—Унжа и Ветлуга
„Шлютъ степямъ дары лѣсовъ!..“

III.

Разсчетъ.

1.

Въ послѣдней пристани... Къ затону
Ихъ ловко „хвàтальщикъ“ подвелъ...
Стоятъ по горному услону
На якоряхъ... Весь—лѣсъ дошелъ!..

2.

Оконченъ плёсъ... Съ плотовщиками
Свелъ счетъ приказчикъ кое-какъ...
И торопливыми шагами
Съ плотовъ побрелъ народъ—въ кабакъ...

3.

Разсчетъ—разгулъ... Бренчатъ казною...
Дешовка плещетъ черезъ-край...
Сошлись предъ стойкою одною
Волгарь, пермякъ и ветлугай...

4.

—„А ловко, братцы, обсчитали?...“
—„Куда ловчѣй! Народъ лихой!...
„Всё берегли, не доѣдали;
„Осталось—развѣ на пропой!..“

5.

Яръ-хмѣль—давно свой братъ въ артели.
Въ сосѣдствѣ съ нимъ, и бурлаки
Не то чтобъ очень захмѣлѣли,—
Поразвязали языки!..

6.

—„Хватили горя?!.“—„Было дѣло!
„Чуть не пропали всѣ за грошъ!..“
—„Аль жить на свѣтѣ надоѣло?“
—„Не плыть, такъ—по-міру пойдешь!..“

7.

—„По чаркѣ дай еще на брата!..“
—„Ну, со свиданьемъ!“ — „Сто лѣтъ жить!..“
—„Богъ спасъ... Спасетъ ещё, ребята!..“
—„Какъ ни гадай, придется плыть!. “

8.

И впрямь—хоть спорь, не спорь съ судьбою,—
А нѣтъ другого имъ труда:
Погонятъ съ новою водою
Они—плоты, а ихъ—нужда!..

1896 г.

Недавнее.

Сказка-быль.

Глава первая.

1.

Жилъ-былъ на свѣтѣ, въ наши дни,—
Въ какой странѣ—не всё равно-ли,—
Не врачъ—цѣлитель всякой боли,
„Жрецамъ наживы“—не сродни.

2.

Въ нашъ вѣкъ больной, хоть и желѣзный,
Въ нашъ утомлённый жизнью вѣкъ—
На-рѣдкость докторъ-человѣкъ,
Хотя не рѣдкость врачъ полезный!

3.

А тотъ, о комъ ведётся рѣчь,
Былъ человѣченъ, всѣмъ на-диво,
И не таилъ въ душѣ ревниво
Тѣхъ чувствъ, которыя сберечь

4.

Сумѣлъ среди толпы бездушной,
Холодной, черствой, равнодушной—
Толпы провинціи глухой,
Гдѣ очерствѣть легко душой...

Глава вторая.

1.

Врачъ-человѣкъ, врачъ—общій другъ,—
Какъ древній схимникъ на молитву,
Онъ шелъ въ измѣнчивую битву
Съ тобой, губительный недугъ!

2.

И днемъ, и позднею порою
Къ нему довѣрчиво всегда
Стучалась блѣдная нужда
Въ дверь исхудалою рукою.

3.

Въ подвалы хмурыхъ бѣдняковъ,
Въ притоны хилаго порока
Входилъ онъ съ пламенемъ пророка—
Всегда и всѣмъ помочь готовъ...

4.

Сдержать не въ силахъ сердобольный
Порывъ страдающей души,
Свои послѣдніе гроши
Онъ отдавалъ нуждѣ бездольной...

5.

А между тѣмъ—ютился самъ
Въ двухъ тѣсныхъ комнаткахъ съ семьёю,
Терпя лишеній гнётъ порою —
Подъ-стать послѣднимъ бѣднякамъ..

Глава третья.

1.

Въ „палаццо“ крезовъ многодумныхъ,
Въ кругу „бомонда“ мѣстныхъ дамъ
Онъ—слылъ мишенью эпиграммъ,
Подчасъ довольно тупоумныхъ.

2.

Ко всѣмъ эпитетамъ привыкъ
„Чудакъ“, „подвальный исцѣлитель“,
„Чердачной голи вдохновитель“
И „Донъ-Кихотъ a lá moujik“...

3.

Какихъ-какихъ именованій
Онъ не наслышался себѣ;
Но—непреклоненъ былъ въ борьбѣ
Среди страстей, среди страданій.

4.

Боготворили бѣдняки
„Врача оборванныхъ кварталовъ“—
Во глубинѣ своихъ подваловъ
Отъ стрѣлъ сатиры далеки...

Глава четвертая.

1.

Однажды, съ вѣтромъ долетѣло
До норъ подвальныхъ, громомъ-громъ,—
Что начался вездѣ „разгромъ“.
И—море голи зашумѣло...

2.

Глуха, безумна и слѣпа—
Поднялась, всё собой сметая,
Толпа людей, какъ волчья стая,
Безчеловѣчная толпа...

3.

Разбиты лавки, магазины;
Горятъ лачуги и дома.
Растетъ и множится сама
Толпа—подобіе лавины...

4.

Рыданья... Стоны... Крики: „Бей!“
И хохотъ пьянаго веселья...
Дошла волна страстей похмѣлья
Туда, гдѣ жилъ въ семьѣ своей

5.

И тотъ, кого боготворили
По всѣмъ подваламъ-чердакамъ,
Кто былъ такъ дорогъ бѣднякамъ...
Его—въ тотъ день не пощадили...

6.

Онъ—къ нимъ, въ толпу; и былъ убитъ
Подъ изступлённыя проклятья...
Братъ, простирающій объятья,
Толпой въ евреѣ былъ забытъ:
Предъ нею здѣсь былъ только — жидъ!..

Февраль 1895 г.

Сонъ.

Три огненно-красныхъ тюльпана
Мнѣ позднею ночью приснились.
Проснулся поутру я рано,—
Вокругъ меня думы тѣснились...

Сомнѣній туманъ предо мною
Висѣлъ пеленой непроглядной;
А думы всплывали волною—
Крылатой волною и жадной...

Крылатыя думы, какъ птицы,
Какъ хищныя птицы—слетались,—
При блескѣ зловѣщемъ зарницы,
Во мракѣ, на пиръ собирались...

На пиръ собирались кровавый
И клювами сердце терзали,
Гдѣ страсть разливалася лавой—
Горючею лавой печали...

А въ сердцѣ три раны дымились
Отравленной знойною кровью:
Двѣ раны—обидою бились,
А третья, а третья—любовью...

Всѣхъ глубже была эта рана;
Всѣ три—пламенѣли пожаромъ...
Недаромъ мнѣ снились, недаромъ,
Три огненно-красныхъ тюльпана!..

Темная ночь.

Тьмой повитая—какъ тайной,
Непонятною для насъ,—
Ночь красой необычайной
Вся прониклась въ этотъ часъ...
И стоитъ, стоитъ предъ нами
У открытаго окна,—
Словно грѣшная жена,
Смотритъ грѣшными очами...

Въ лунномъ блескѣ, въ звѣздномъ свѣтѣ-ль—
Можетъ быть, она въ себѣ
Воплощала-бъ добродѣтель,
Устоявшую въ борьбѣ...
А теперь,—маня красою,
Словно шепчетъ намъ она:
„Добродѣтель—такъ скучна!
„Грѣхъ—прекрасенъ такъ порою!...“

Истина.

Прекрасная—съ глубокими очами,
Съ печатью разума на дѣвственномъ челѣ—
Среди вражды и лжи проходитъ по землѣ,
Рождённая святыми небесами.

При блескѣ дня и въ полунóчной мглѣ
Она идетъ неслышными стопами,
И передъ ней—горитъ-цвѣтетъ огнями
Весь путь земной, погрязшій въ темномъ злѣ.

Она идетъ—озарена лучами;
И тихій свѣтъ струится отъ лица,
Вливаяся въ потёмныя сердца
Цѣлебными—живой воды струями.
Тотъ жизнь и смерть постигнулъ до конца,
Съ кѣмъ встрѣтилась Прекрасная очами...

Вѣчная жизнь.

1.

Да, смерть—не смерть, а жизнь...
Но только—жизнь иная,
Не тà, которою страдаютъ на землѣ!
Недаромъ, человѣкъ подходитъ, умирая,
Къ преддверью вѣчности съ покоемъ на челѣ...

2.

Да, смерть—не смерть, а жизнь...
Надъ этой жизнью новой
Не будетъ тяготѣть карающей судьбы,—
Не будетъ страха жить въ безвѣстности суровой,
Подъ темной тучею невѣдомой борьбы!..

3.

Да, смерть—не смерть, а жизнь...
И—новой жизни дѣти—
Всѣ насладимся мы, къ блаженству возродясь,—
Но только на другой, невѣдомой планетѣ:
Земное позабывъ, со всѣмъ роднымъ простясь...

4.

Да, смерть—не смерть, а жизнь...
Но только отчего-же
Всѣмъ землю тлѣнную такъ жалко покидать?
Ужель земныя намъ страданія дороже,
Чѣмъ вѣчной радости безсмертная печать?!.

11 августа 1896 г.,
С.-Петербургъ.

Зависть Лихая.

Бывальщина.

Глава первая.

1.

Горгомъ старуха съ клюкою бредётъ;
Вѣку старухи потерянъ и счетъ.

2.

Космы сѣдыя до самыхъ до пятъ
Вмѣстѣ съ лохмотьями съ горба висятъ.

3.

Вся-то въ морщинахъ; давно—безъ зубовъ,—
Въ дёснахъ чернѣетъ лишь пара клыковъ.

4.

А подъ щетиной нависшихъ бровей
Свѣтятъ глаза—словно пара углей.

5.

— „Зависть Лихая!“—завидѣвъ её,
Кличутъ всѣ:—„Чуръ! Свято мѣсто мое!..“

6.

Торгомъ сѣдая бредётъ, да бредетъ,
Водитъ глазами—и взадъ, и впередъ...

7.

Видитъ: считаетъ купецъ барыши,—
Въ деньгахъ, какъ видно, не чаетъ души!

8.

Тамъ барыши подсчитать—тяжкій трудъ,
Гдѣ—сами деньги на деньгахъ растутъ.

9.

Изъ-подъ червонцевъ не видно стола...
Зависть и Зависть Лихую взяла:

10.

—„Нечего будетъ вотъ скоро считать!
„Станешь ты нищимъ у двери стоять!..“

11.

Злобно махнула костлявой рукой
И—очертила вкругъ лавки клюкой...

12.

Часу пройти не прошло,—принесли
Вѣсть, что погибли купца корабли.

13.

Новыя вѣсти—за этой спѣшатъ:
Домъ и амбары съ товаромъ горятъ!

14.

Лавку замкнуть забываетъ купецъ:
Съ золотомъ сгинулъ желѣзный ларецъ...

15.

Дня не прошло, а купецъ-богатѣй—
Нищимъ вернулся, стоитъ у дверей...

16.

Зависть идетъ... Онъ—завидѣвъ ее:
—„Чуръ меня! Чуръ!.. Свято мѣсто мое!..“

17.

—„Поздно чураться, купецъ-деньгоробъ!
„Хватитъ-ли денегъ теперь и на гробъ?!..“—

18.

Держитъ отвѣтъ лиходѣйка ему:—
„Хочешь, тебѣ подарю я суму?!.“

19.

Плачетъ купчина... Смѣется она:
—„Гдѣ-же твоя золотая казна?!.“

20.

Зависть смѣется... Что пара углей,
Свѣтятъ глаза подъ щетиной бровей...

Глава вторая.

1.

Улицей людной старуха бредетъ;
Вѣку старухи потерянъ и счетъ.

2.

—„Зависть Лихая!“—завидѣвъ ее,
Кличутъ всѣ:—„Чуръ! Свято мѣсто мое!..“

3.

Мо̀лодецъ добрый не кликнулъ Лихо̀й,—
Былъ онъ въ саду съ молодою женой.

4.

Кудри вились у него по плечамъ;
Былъ и пригожъ онъ, и молодъ былъ самъ,—

5.

Былъ онъ подъ-стать красотою женѣ;
Краше-жъ ея—не видать и во снѣ!

6.

Русыя косы... А очи—синѣй
Синяго морюшка были у ней.

7.

Щечки алѣли, что маковый цвѣтъ;
Зубы—ровнѣе и жемчуга нѣтъ!

8.

Станомъ была и пышна, и статна;
Грудь—подымалась, что въ бурю волна...

9.

Молодецъ думалъ, что ихъ не видать,—
Началъ ее цѣловать-миловать...

10.

Обнялъ молодку, въ глаза ей глядѣлъ;
Рѣчи повѣлъ—словно пѣсню запѣлъ:

11.

„Любушка-женка! Ты—счастье мое!..
„Намъ-ли на свѣтѣ съ тобой не житье!..

12.

„Правда, у насъ злата нѣтъ—серебра,
„Нѣтъ запасеннаго въ скрыняхъ добра...

13.

„Но не богаче-ль мы всѣхъ богачей
„Кладомъ завѣтнымъ—любовью своей?!..“

14.

Парочка—счастьемъ, что роза, цвѣла...
Зависть и Зависть Лихую взяла:

15.

Злобно махнула сѣдая рукой
И—обвела весь ихъ садикъ клюкой...

16.

Мѣсяцъ одинъ только минулъ съ тѣхъ поръ,—
Выкралъ у молодца кладъ-счастье воръ:

17.

Мужъ-то въ отъѣздѣ, сосѣдъ—во дому...
Худо-ль съ женой чужемужней кому?!.

18.

Нѣвпору мужъ воротился домой:
Гостя засталъ съ перемёткой-женой..

19.

Выскочилъ цѣлъ-невредимъ сѣколъ-воръ;
Съ бѣлой лебёдкой—покончилъ топоръ.

20.

Зависть Лихая—ужъ тутъ у окна:
—„Сладко-ль милуетъ красотка-жена?!..“

Глава третья.

1.

Вотъ, за заставой старуха бредетъ;
Вѣку старухи потерянъ и счетъ...

2.

Некому въ полѣ завидѣвъ ее,
Кликнуть ей:—„Чуръ! Свято мѣсто мое!..“

3.

Пусто, безлюдно... Окрестъ—ни души...
Рѣчка подъ горкой... Пески; камыши...

4.

Вдругъ разглядѣлась старуха—вдали
Что-то живое бѣлѣетъ съ земли...

5.

Ближе сѣдая идетъ наугадъ:
Двое бродягъ передъ нею лежатъ...

6.

Оба—на самомъ припёкѣ лучей...
Слышитъ она:—„Паръ не ломитъ костей!

7.

„Ишь, какъ пригрѣло!.. А славно съ тобой
„Жить-то намъ здѣсь! Не платить за постой!

8.

„Горы, пещеры—чѣмъ хуже хоромъ?
„Кормъ харчей на поляхъ наберёмъ!..

9.

„Лѣто всегда мы въ бѣгахъ!
„Зимы-жъ зимуемъ зато въ городахъ!..

10.

„Осень потянетъ едва холодкомъ,—
„Мигомъ намъ хватитъ въ тюрьмѣ и вдвоёмъ!

11.

„Сами придемъ,—жизнь зимой дорога!..
„Зиму—въ острогѣ, съ весною—въ бѣга!

12.

„Снова на волѣ готовъ намъ съ тобой
„Харчъ-разносолъ и пріютъ даровой!..“

13.

—„Что-жъ,—отвѣчаетъ другой,—говорить!
„Всякому далъ-бы Господь такъ пожить!..“

14.

Рѣчь ихъ до слуха старухи дошла,—
Зависть и Зависть Лихую взяла!—

15.

Зависть не можетъ безъ лиха пройти
Мимо счастливца на каждомъ пути...

16.

Ей—на распутьи торёныхъ дорогъ—
Счастье чужое стоитъ поперёкъ!..

17.

Двое счастливцевъ лежатъ передъ ней:
Солнце для нихъ не жалѣетъ лучей;

18.

Всѣмъ-то на свѣтѣ довольны всегда,—
Горе—не въ горе, бѣда—не бѣда...

19.

Каждый изъ нихъ и роднёю богатъ:
Бѣдность—сестра имъ, а голодъ—свой братъ..

20.

Тò-то судьба имъ—родимая мать:
Съ нихъ даже Зависти нечего взять!..

Лѣсной.
Августъ 1896 г.

Изъ „Книги жизни“.

I.

Чуждый близкимъ, всѣмъ далёкимъ
Близокъ сердцемъ онъ своимъ;
Жизнь проходитъ одинокимъ,
Какъ пустыню—пилигримъ.

Предъ несчастіемъ ничтожнымъ
Онъ склоняется челомъ—
Полонъ грёзъ о невозможномъ
И забвенья о быломъ.

Умъ его—въ плѣну у страсти,
Страсть—разсудкомъ плѣненà;
Чувства, мысли, всё—во власти
Заколдованнаго сна.

Слѣпъ онъ въ поискахъ свободы,
Какъ былинка—волей слабъ...
Человѣкъ—не „царь природы“,
А ея послѣдній рабъ!..

II.

Съ безумной жаждою забвенья
Мы память прошлаго язвимъ
Въ непостижимомъ опьяненьи
Минутнымъ счастіемъ своимъ...

И каждымъ новымъ поцѣлуемъ,
И каждой ласкою своей
Мы безпощадно въ ней бичуемъ
Печаль живую мертвыхъ дней...

Но память—гордая страданьемъ—
Въ лучахъ терноваго вѣнца,
Готовитъ месть: воспоминаньемъ
Казня безумныя сердца!..

III.

Разсудокъ изнемогъ въ слѣпой борьбѣ
страстей;
Безуміе надъ нимъ виситъ мечомъ Дамокла.
И жизнь вокругъ него безвременно поблѣкла,
И гаснутъ свѣточи его святыхъ огней.

О, еслибы онъ былъ, какъ прежде, съ сердцемъ скованъ
Одною вѣрою и правдою живой,—
Тогда-бы онъ въ тоскѣ не падалъ предъ борьбой!..
Но отдѣлёнъ теперь отъ сердца онъ стѣной—
Въ ней крѣпко-нà-крѣпко судьбою замурованъ...

IV.

Міръ каждаго изъ насъ—совсѣмъ особый міръ;
И не поймётъ вовѣкъ одинъ изъ насъ другого,—
Хотя намъ всѣмъ дано однò живое слово,
Хотя въ душѣ у насъ—у всѣхъ одинъ кумиръ!..

Питая ко всему какой-то смутный страхъ,
Стоимъ—и близки мы, и далеки другъ другу,—
Судьбой обречены наслѣдственно недугу:
Всю жизнь проговорить на разныхъ языкахъ!..

И только въ часъ, когда подводитъ смерть итогъ
Всему, что̀ сдѣлано и пѐрежито нами,—
Увидимъ, что всю жизнь мы прò̀жили слѣпцами;
Поймёмъ, что былъ у насъ въ душѣ—единый Богъ!..

V.

Одни и тѣ-же наслажденья,
Однихъ и тѣхъ-же чувствъ узоръ;
Въ игрѣ страстей—безъ измѣненья
Всегда одинъ и тотъ подборъ.

Любя, враждуя и желая,—
И каждый день, и каждый вѣкъ
Жизнь наполняетъ человѣкъ,
Одно и то-же повторяя.

Не измѣняя ничего,
Но—измѣняясь быстротечно,
Разнообразятъ путь его
Одни страданья безконечно.

Пускай они ему горьки!
Но въ нихъ—основа міросданья:
Когда-бы не было страданья,
Весь міръ-бы вымеръ отъ тоски!

VI.

Своимъ могуществомъ безсиленъ—
Нерѣдко нашъ тревожный умъ
Не можетъ обойти извилинъ
Своихъ-же думъ, мятежныхъ думъ.

Передъ созданьями своими
Онъ самъ становится втупикъ
И въ то-же время—предъ чужими
Своимъ безсиліемъ великъ!..

VII.

Разлука тяжела... Рядъ мукъ неисцѣлимыхъ
Она ведетъ собой,—когда теряемъ въ ней
Мы самыхъ дорогихъ и близкихъ намъ людей,
Глубо̀ко, искренно любимыхъ...

Разлука тяжела... Однако и её
Выноситъ человѣкъ,—былое вспоминая,
Терпѣніемъ своимъ геройски побѣждая
Страданіе свое...

Разлука тяжела... Тяжѐлѣ безконечно,
Однако,—еслибы тобой, Судьбы Законъ,
Былъ кто̀-нибудь вдвоёмъ съ любимымъ осуж-
денъ:
Не видя никого—не разлучаться вѣчно!..

VIII.

Всё человѣчество стоитъ на полъ-пути
Въ раздумьи, тягостномъ — какъ тайна рокова-
вая,—
Какъ-будто замерло отъ ужаса, не зная:
Куда ему во мглѣ безвременья идти...

Всё человѣчество томятъ одни сомнѣнья,—
Куда ему теперь направить жизни ходъ,
Чтобы найти изъ тьмы спасительный исходъ:
Къ разсвѣту-ль памяти, иль къ сумеркамъ
забвенья?!.

IX.

„О, еслибъ только знать всѣ тайны
тайнъ земныхъ!
„О, еслибы постичь всю сущность міорозданья!..“
И вотъ—порой судьба снисходитъ на желанья
Избранниковъ своихъ...

Счастливецъ-человѣкъ порывисто и жадно
Пьётъ недоступное и чуждое другимъ...
И вотъ—онъ всё позналъ... И чтожъ,—судьба
надъ нимъ
Смѣётся безпощадно!

О, какъ-бы онъ хотѣлъ бѣжать, скорѣй бѣжать
Подъ щитъ невѣжества отъ стрѣлъ разящихъ
знанья...
И слышенъ вопль его, исполненный страданья:
„О, еслибы не знать!..“

X

Мы всѣ отравлены одной,
Жизнь сожигающей, отравой;
Она по жиламъ льётся лавой,
Она—кипитъ въ сердцахъ волной.

Она—въ насъ будитъ скорбный ропотъ
На всё, что̀ въ жизни встрѣтитъ насъ,—
Туманя каждый день и часъ...
Отрава наша—ранній опытъ!..

XI.

Дряхлость мысли и чувства такъ рано
Овладѣла теперь человѣкомъ,
Что идти не успѣетъ за вѣкомъ
Онъ—окутанный дымкой тумана.

Смотритъ горе въ глаза ему грозно;
Онъ—зажмурясь, идётъ мимо счастья...
Въ наши дни, въ дни страстей самовластья,
Юность мысли приходитъ такъ поздно!..

XI.

Какъ медленно текутъ минуты злого горя!
А годы счастія съ такою быстротой
Летятъ—окружены безплодной суетой—
Надъ темной бездною безбрежной жизни моря!..

Въ житейскомъ сумракѣ кровавою луной
Всѣмъ, каждому изъ насъ бѣда-невзгода свѣтитъ!..
А счастья звѣздочки порой и не замѣтитъ
Счастливецъ даже самъ, обласканный судьбой!..

XIII.

Жизнь была красна любовью,
Жизнью—пылкая любовь!
Обѣ—въ сердцѣ знойной кровью
Разливались вновь и вновь...

Въ наши дни—иначе стало:
Какъ ты счастье ни лови,—
Въ жизни мало такъ любви,
А въ любви—такъ жизни мало!

Потому—и человѣкъ,
На своей пируя тризнѣ,
Принимать готовъ за вѣкъ
Каждый мигъ любви и жизни..

XIV.

Противорѣчіемъ полны
Мы всѣ: мы каждое мгновенье
Стремимся жить, а въ сновидѣнья—
Всегда во всёмъ погружены!

Враждуя—часто пробуждаемъ
Въ душѣ подобіе любви.
Любя—порою разжигаемъ
Костёръ вражды въ своей крови...

Мечтой возвышеннымъ и чистымъ—
Паденье ближе всѣхъ изъ насъ.
Идёмъ на свѣтъ—въ туманѣ мглистомъ
Порой очутимся какъ-разъ...

Противорѣчитъ-ли судьба намъ,
Вѣнчая ложью наши сны?
Мы-ль сами въ жизни—постояннымъ
Противорѣчіемъ больны?!.

XV.

1.

Будто новая египетская казнь,
Поразила всѣхъ мыслебоязнь:

2.

Истомлённые тревогою умы
Новыхъ мыслей избѣгаютъ, какъ чумы.

3.

Словно—только по торёному пути
И возможно къ свѣту Истины придти;

4.

Точно всё—вполнѣ извѣдано во всёмъ,
Что̀ намъ видимо-ль, невидимо-ль кругомъ;

5.

Словно всюду ужъ—такàя благодать,
Что опасно даже лучшаго желать...

6.

Не вернулъ-ли къ намъ на землю человѣкъ
Золотой, давно забытый міромъ вѣкъ?

7.

Или—новая египетская казнь
Поразила всѣхъ—мыслебоязнь?!.

XVI.

Всё способенъ простить человѣкъ:
Ложь, измѣну, вражду съ клеветою,
Смѣхъ надъ лучшей своею мечтою...
Одного̀—не проститъ лишь вовѣкъ!

Въ эти дни, въ эти годы ненастья,
Ни врагамъ, ни любимымъ друзьямъ,—
Почему̀, и не вѣдая самъ,—
Не проститъ онъ: ни славы, ни счастья!..

XVII.

Ложь—неизбѣжнымъ стала зломъ;
Бороться съ ней—не хватитъ силы...
Теперь—другъ-другу всѣ кругомъ
Лгутъ даже на краю могилы!

Шагами быстрыми впередъ
Стремится ложь, міръ побѣждая,
И всё растётъ, и всё растётъ,—
У побѣждённыхъ пробуждая
Одинъ вопросъ: кто бо̀льше лжетъ?..

XVIII.

Отъ одного обмана
Къ другому—мы идёмъ;
Изъ круга лжи — вовѣки
Исхода не найдёмъ...
Пусть воли проситъ сердце,—
По прихоти судьбы,
Другихъ рабовъ безвольныхъ
Мы—вѣчные рабы...
Страдая нашей ложью,
Мы ждёмъ, чтобъ какъ-нибудь,—
Когда другихъ не въ силахъ,—
Себя намъ обмануть...
Случайно сбросивъ цѣпи,
Другихъ—мы ищемъ вновь:
Когда не дастъ вражда ихъ,
Скуётъ ихъ намъ—любовь!

XIX.

Добро—такъ въ жизни измельчало
И перепуталось со зломъ,
Что меркнетъ солнце идеала
Во тьмѣ, сгустившейся кругомъ.

Всю жизнь, не думая о плѣнѣ,
Въ плѣну́ мы—у своихъ страстей;
И наша жизнь, съ борьбой своей,—
Не жизнь, а только—жизни тѣни...

Мечта.

I.

Ищи вокругъ себя хоть призракъ существа,
Въ которое ты могъ-бы воплощать мечтанья,
Всѣ грёзы свѣтлыя, всѣ чистыя желанья,—
Въ которомъ видѣлъ-бы ты отблескъ Божества!

Ищи вокругъ себя такую душу ты,
Которая съ твоей сливалась-бы, страдая,—
Въ которой-бы могли цвѣсти, не увядая,
Твоей живой любви весенніе цвѣты!

Ищи вокругъ себя, среди чужихъ тебѣ,
То сердце близкое, желанное, родное,—
Которое тебѣ сіяло-бы звѣздою
Во тьмѣ безвременья, угасшаго въ борьбѣ!

Ищи вокругъ себя, ищи съ огнемъ любви!
И если ты найдёшь, ты — близокъ къ совершенству...
О, если ты найдешь,—нашёлъ ты путь къ блаженству!..
Иди и созерцай! Блаженствуй и живи!..

II.

Если нѣтъ никого, въ комъ-бы могъ воплотить
Ты свои заповѣдныя мысли;

Если ложь и вражда черной тучей нависли
Надъ тобой, не давая ни думать, ни жить,—

Самъ создай ты себѣ идеалъ вожделѣнный;
Самъ — творцомъ будь священной для сердца мечты...
Пусть обманешь себя ты,—живые цвѣты
Всё равно расцвѣтутъ изъ мечты вдохновенной!..

III

Воготвори свою мечту,
Склоняй молитвенно предъ нею—
Какъ предъ святынею своею—
Всѣхъ чувствъ и мыслей красоту!

О, пусть ея краса и сила —
Одно созданье грёзъ твоихъ...
Такъ проводи свой каждый мигъ,
Чтобъ передъ ней не стыдно было!..

Тогда — изъ сумрака борьбы,
Изъ бездны мертвенной печали
Мечта взойдётъ въ разсвѣтной дали
Зарёй надеждъ, звѣздой судьбы!...

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Посвященіе 6

Въ сумракѣ:

I. „Сумракъ надвинулся, всталъ предо мною“ 9

II. „Молчать и чувствовать, что словомъ“ 10

III. „Нѣтъ, не повѣрю, чтобъ вѣчными были“ 11

Микула (Новая пѣсня о старомъ богатырѣ) . . . 13

Въ безсонную ночь 22

„Враговъ мнѣ, больше мнѣ враговъ“ 25

„Зима развѣсила лебяжьи опахала“ 27

Подъ лучами мѣсяца (Изъ „Зимнихъ импровизацій“) 29

„Ты правъ, мой другъ: мы всѣ—чудесъ ждемъ“ . 31

Весеннее:

I. „Воскресла жизнь!“ 35

II. „Ярче солнце и ярче лазурь“ 36

III. „Весенній блескъ, весенній ароматъ“ . . 37

На пчельникѣ 38

Неизмѣнное 40

Нѣтъ смерти! 42

Безымень 44

„Глубокое небо мерцало звѣздами“ 46

Изъ „Пѣсенъ о счастьѣ“:

I. „О, еслибъ мечты мнѣ“ 51

II. „Есть въ жизни счастье, есть...“ . . . 52

III. „Какъ съ двухъ далёкихъ горъ...“ . . . 53

IV. „Голубкой бѣлою...“ 55

V. „Ихъ торжествующій синклитъ“ 57

VI. „Ни слова!“ 58

Стр.
Пѣсня русалокъ 59
По первоснѣжью 64
Румянецъ стыда 66
Карнавалъ (Южныя картинки) 69
Стансы 74
Ключъ путей 75
Полонскій (Въ семьдесятъ-пятую годовщину) . . 77
Изъ „Волжскаго Альбома“:
I. „Солнце взоры слѣпитъ“ 85
II. „Вотъ и Керженецъ струится“ 87
III. „На горахъ—какъ-будто горы снова“ . . 89
IV. „Увалами берегъ пошелъ—перевалами“ . 90
V. „Нагорный едва проступаетъ“ 91
VI. „Жегули, Жегули!“ 93
VII. „Рубятъ лѣсъ, корчуютъ пни“ 95
VIII. „Обожженные солнцемъ холмы“ 97
Отвѣтъ 99
На мотивы Юлія Словацкаго:
I. Расцвѣтъ сердца 103
II. Мгновенья 104
III. „Пойдемъ!“ 106
IV. На альпійскихъ высотахъ 108
V. Гдѣ-то 110
VI. Три свидѣтеля 113
VII. Одиночество 114
Царёвъ Курганъ. (Изъ сказаній о камскихъ болгарахъ) 117
Подъ сѣнью сосенъ:
I. „Въ безмолвіи сосенъ“ 125
II. „Сегодня цѣлый день шумитъ“ 127

Стр.
III. „Подъ темнымъ намётомъ сосны“. . . . 129
IV. „Къ пустынному приволью“ 130
V. „Чѣмъ чаще я брожу змѣистыми тропами“ 131
VI. „Стою и—слушаю ночную тишину“ . . 132
Изъ „Пѣсенъ о каменномъ городѣ“:
I. Зачумленные 135
II. Фигляры 137
Два силуэта:
I. „Неземная красота“ 143
II. „Вся повита нѣгой томной“ 145
На рубежѣ:
I. „Въ былую, счастливую дѣтскую пору“ . 149
II. „Декабрь идетъ къ концу, минуетъ“ . . 151
III. „И снова въ темный міръ идетъ“ 153
Полонянкина Коса. (Изъ волжскихъ сказаній) . 155
Очерки осени:
I. „На просторѣ неба чистаго“ 167
II. „День тихо угасалъ, румянцемъ зорьки“. 168
III. „Шелестъ берёзокъ я слушалъ въ лѣсу“ . 170
IV. „О, только въ этотъ день я понялъ“. . 172
Кровавая тропа. (Изъ хроникъ XIV вѣка). . . . 175
Звѣзда морей (Фантазія) 183
Солнечные заигрыши. (Веснянка) 188
На плотахъ. (Изъ „Картинъ Поволжья“):
I. На привалѣ 197
II. Въ пути 200
III. Разсчетъ 204
Недавнее (Сказка-быль) 207
Сонъ 217

Стр.
Темная ночь 219
Истина 220
Вѣчная жизнь 221
Зависть Лихая (Бывальщина) 223
Изъ „Книги жизни“:
I. „Чуждый близкимъ“ 239
II. „Съ безумной жаждою забвенья“ . . . 240
III. „Разсудокъ изнемогъ...“ 241
IV. „Міръ каждаго изъ насъ...“ 242
V. „Одни и тѣ-же наслажденья...“ 243
VI. „Своимъ могуществомъ безсиленъ...“ . . 244
VII. „Разлука тяжела...“ 245
VIII. „Всё человѣчество стоитъ на полпути“. . 246
IX. „О, еслибъ только знать“ 247
X. „Мы всѣ отравлены...“ 248
XI. „Дряхлость мысли и чувства„ 249
XII. „Какъ медленно идутъ...“. 250
XIII. „Жизнь была красна любовью“ . . . 251
XIV. „Противорѣчіемъ полны“ 252
XV. „Будто новая египетская казнь“ 253
XVI. „Всё способенъ простить...“ 255
XVII. „Ложь—неизбѣжнымъ стала зломъ“. . 256
XVIII. „Отъ одного обмана“ 257
XIX. „Добро—такъ въ жизни измельчало“ . . 258
Мечта:
I. „Ищи вокругъ себя“ 261
II. „Если нѣтъ никого“ 262
III. „Боготвори свою мечту“ 263

Только что отпечатана и поступила въ продажу новая книга

Аполлона Коринфскаго:

„ВОЛЬНАЯ ПТИЦА“

И ДРУГІЕ РАЗСКАЗЫ.

(1888 — 1894 г.г.)

I. ВОЛЬНАЯ ПТИЦА. Этюдъ.
II. ПОДЪ ШУМЪ ДОЖДЯ. Очеркъ.
III. ЛЮБОЧКА. Эскизъ.
IV. МОТЯ. Изъ „Отживающихъ типовъ“.
V. ТРИДЦАТЬ КУРГАНОВЪ. Историческая миніатюра
VI. ДОМНИНО ГОРЕ. Изъ деревенскихъ впечатлѣній.
VII. „ОНА ПРИШЛА!“ Сантиментальная новелла.
VIII. СЕРГѢЙ АНДРЕЕВИЧЪ. Очеркъ.
IX. НЕПРІЯТНЫЙ СЛУЧАЙ. Изъ хроникъ захолустья.
X. ОДНИМЪ ВЕЧЕРОМЪ. Набросокъ.
XI. ПРОСЕЛКОМЪ. Изъ дорожнаго альбома
XII. НАЧАЛО. Этюдъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1897 г.

Изящно изданный томъ in-octavo (болѣе 300 стр.).

ЦѢНА ОДИНЪ РУБЛЬ.

Складъ изданія: С.-Петербургъ, Литейный пр., д. 49, Контора Паровой Скоропечатни „Надежда“.

Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.

Книгопродавцамъ — обычная уступка.

Аполлонъ Коринфскій.

Черныя Розы.

Стихотворенія 1893—1895 г.г.

I. **Черныя Розы.** Изъ одного дневника.
II. **Вывальщины.** Поэмы, легенды, баллады*).
III. **Отголоски.** Думы, наброски, картины.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1896 Г.

Изящно изданный томъ in-octavo (до 300 страницъ) въ художественно-исполненной обложкѣ.

ЦѢНА ОДИНЪ РУБЛЬ.

Складъ изданія: при типографіи М. А. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Спб., Невскій, 8.

Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.

*) „Бертрада", „Златоогненный цвѣтъ", „Потайный сказъ", „Бѣгство боговъ", „Русалочья заводь", „Ювалъ", „Водяной", „Лада", „Бѣлбожичъ", „Суженый", Подводная пустынь", „Изгой", „Святогоръ", „Смерть-невѣста", „Красная Весна", „Могила троихъ", „Доброгнѣва", „Князь-богоборецъ", „Несмѣяна-королевна", „Перстень", „Чудище-Ложь", „Пиръ въ камышахъ", „Степь - урочище", „Королевская милость", „Гориславa", „Удаль", „Послѣдній богатырь", „Безродная".

Аполлонъ Коринфскій.

I.

ПѢСНИ СЕРДЦА.

Стихотворенія 1889—1893 г.г.

Второе изданіе книгопродавца М. В. Клюкина, коммиссіонера Императорской Академіи Наукъ.

Москва, 1896 г.

I. Лирическія стихотворенія
II. Картины и наброски.
III. Поэмы, баллады и легенды.
IV. Мотивы иностранныхъ поэтовъ.

Изящный томикъ (около 400 стран.), отпечатанный въ форматѣ изданій-миніатюръ. **Цѣна**, въ цвѣтномъ коленкоровомъ переплетѣ, съ золототисненіями, **одинъ рубль.**

II.

НА РАННЕЙ ЗОРЬКѢ.

Сборникъ стихотвореній для дѣтей, съ рисунками Н. Н. Каразина, М. Т. Михайлова, Е. Бемъ, Н. Н. Ольшанскаго и другихъ художниковъ.

I. Малютканъ. II. Природа и жизнь.

Изданіе книгопродавца М. В. Клюкина, коммиссіонера Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ 1896 г.

Изящно изданная книжка in-octavo (около 150 стр.). **Цѣна**, въ художественно-исполненной обложкѣ, **50 копѣекъ** (въ папкѣ—70 к.).

Складъ обѣихъ книгъ: Москва, Моховая ул. д., Бенкендорфъ, книжный магазинъ М. В. Клюкина.

Во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ продаются слѣдующія книги:

1. **Старый Морякъ.** („The ancient mariner"). Поэма Самуила Тейлора Кольриджа, въ стихотворномъ переводѣ Аполлона Коринѳскаго, съ иллюстраціями Густава Доре и съ приложеніемъ 1) двухъ портретовъ Кольриджа, 2) примѣчаній его къ поэмѣ и 3) литературно-исторической монографіи А. А. Коринѳскаго „Кольриджъ и литературная Англія его времени". Роскошное изданіе, in folio, на слоновой бумагѣ. С.-Петербургъ, 1894 г. Изданіе Д. Д. Ѳедорова. Цѣна, въ золототисненомъ переплетѣ, **ПЯТЬ** рублей. (Остается въ продажѣ ограниченное количество экземпляровъ Печатается новое, ВТОРОЕ, изданіе—Ф. А. Іогансона).

2. **„Отче нашъ!"** Хоралъ Мартина Лютера, въ переводѣ (со старо-нѣмецкаго) Аполлона Коринѳскаго, съ 16-ю картинами Поля Тумана. Изящный альбомъ, in quarto, на лучшей веленевой бумагѣ. С.-Петербургъ, изданіе Д. Д. Ѳедорова, 1893 г. Цѣна **ОДИНЪ** рубль, въ коленкоровой золототисненой папкѣ, 1 руб. 50 коп.

3. **Книга пѣсенъ.** Генриха Гейне, въ переводѣ русскихъ писателей (П. И. Вейнберга, Н. А. Добролюбова, А. А. Коринѳскаго, М. Ю. Лермонтова, В. С. Лихачова, А. Н. Майкова, Л. А. Мея, М. Л. Михайлова, Ѳ. Б. Миллера, Д. Д. Минаева, А. Н. Плещеева, гр. А. К. Толстого, А. А. Фета и друг.), подъ редакціей П. В. Быкова. Иллюстраціи Поля Тумана. Изданіе книгоиздательства Германъ Гоппе. С.-Петербургъ, 1893 г. Цѣна **ДВА** руб., въ переплетѣ 3 руб.

4. **Русскіе былинные богатыри.** Текстъ А. А. Коринѳскаго, Пл. Н. Краснова и В. В. Чуйко. Рисунки художника А. П. Рябушкина. Изданіе фирмы книгопродательство Германъ Гоппе. Цѣна, въ роскошномъ переплетѣ, **ЧЕТЫРЕ** рубля.

5. **Стихотворенія А. В. Кольцова,** съ портретомъ поэта и литературно-біографическимъ очеркомъ, составленнымъ А. А. Коринѳскимъ. С.-Петербургъ, изданіе Д. Д. Ѳедорова. Цѣна 30 коп., въ переплетѣ 75 коп.

6. **Собраніе сочиненій Андерсена.** Въ 4-хъ томахъ (слишкомъ 2,000 страницъ). Переводъ съ датскаго подлинника А. и П. Ганзенъ. Съ прилож. 2-хъ портретовъ автора, грав. В. Матэ. Переводъ избранныхъ стихотвореній Андерсена сдѣланъ для этого изданія: Н. П. Аксаковымъ, К. Д. Бальмонтомъ, гр. А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ, В. Л. Величкою А. А. Коринѳскимъ, П. А. Кусковымъ, В. П. Лебедевымъ, В. С. Лихачовымъ, А. Н. Майковымъ, Д. С. Мережковскимъ, Я. П. Полонскимъ, К. К. Случевскимъ, К. М. Фофановымъ, кн. Д. П. Цертелевымъ, А. К. Шеллеромъ-Михайловымъ и другими современными русскими поэтами. Цѣна **ВОСЕМЬ** рублей. Изданіе одобрено и рекомендовано для библіотекъ средне-учебныхъ заведеній *Ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*

PG 3467 .K58 T5 1897 C.1
Tieni zhizni :
Stanford University Libraries
3 6105 037 622 441

DATE DUE			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIE
STANFORD, CALIFORNIA 94305